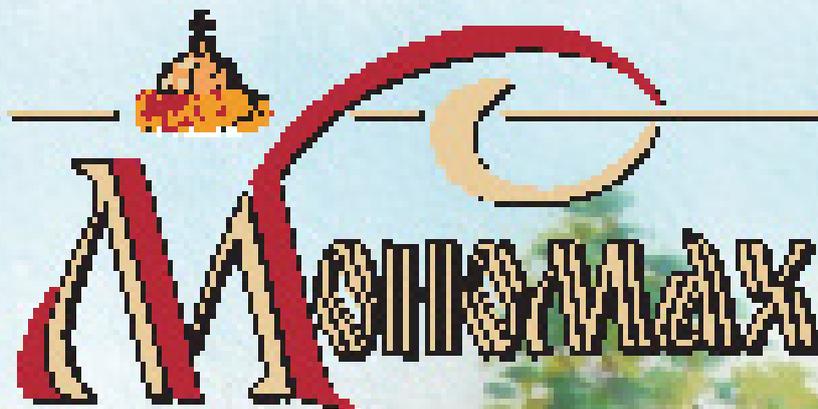

2018 (144)
№ 10 (340)

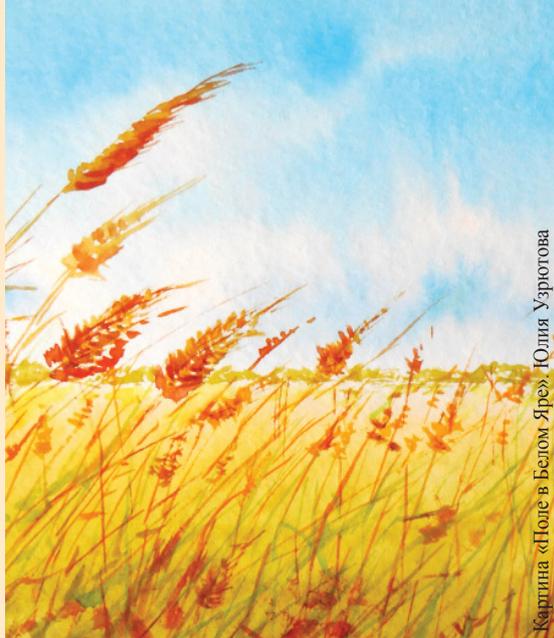

12+

**Визит по Волге
с остановкой в Симбирске**

**ТОП-10 знаменитостей
XX века, побывавших
на родине Ленина**

**Славка «Акулина» —
голова куртина»
в жанре воинкса**

Картина «Поле в Белом Яре». Юлия Узригова

Тема номера. Совершеннолетние истории

Дорогой читатель!

Вот и наступило долгожданное лето – время отдыха и путешествий, беззаботных прогулок смороженым по Венцу и прополкой грядок на даче. Время носить соломенные шляпы и купаться в речке, запускать бумажного змея и влюбляться. Как писал поэт Сергей Есенин, «Есть что-то прекрасное в лете, а с летом прекрасное в нас», поэтому июньский «Мономах» мы посвятили совершенно летним историям.

В номере совершим путешествие по Волге и пройдемся по улицам Симбирска, узнаем о поездке нашего земляка Ивана Гончарова в Японию, посетим необычные и красивые места Ульяновской области, встретимся со знаменитостями XX века, гостившими у нас.

Большинство статей, опубликованных в журнале, появилось благодаря сохранившимся архивным документам. А о том, что такое архив и как там найти нужные документы, мы спросили архивиста Антона Шабалкина. Кстати, в июне он отмечает юбилей – 50 лет, из которых 32 года проработал в архиве.

Послушаю предстоящего 370-летия Симбирска Татьяна Громова расскажет о первых годах жизни города-крепости.

«Мономах» подготовил для читателей очередной сюрприз – мы представили сказку «Акулина – голова курица» из фольклорного собрания Петра Бейсова в новом для журнала жанре комикса.

Надеюсь, что июньский «Мономах» вам понравится и вы по достоинству оцените труд его авторов. Ну что, вы готовы? Тогда вперед!

Изучайте историю вместе с журналом «Мономах»!

С уважением, главный редактор
Ольга Шипова

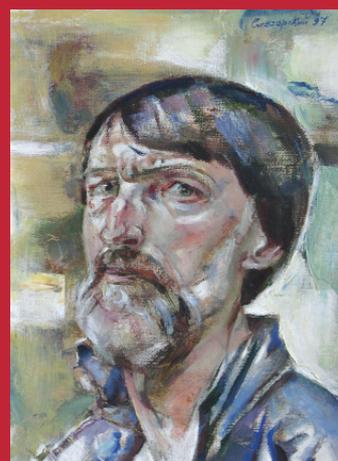
Мономах

Антон Шабалкин:
«Архив –
это биография»

Сюжеты
открытых писем

Художник
Станислав Слесарский.
Искусство
в пространстве
и времени

Разлетятся по свету

По случаю 100-летия со дня рождения нашего земляка контр-адмирала Михаила Федоровича Сойгина (1918–1995) Почта России по Ульяновской краеведческой программе выпустила художественный маркированный конверт тиражом 200 тысяч экземпляров. Презентация и гашение конвертов состоялись 19 апреля в Ульяновском краеведческом музее имени И.А. Гончарова.

Конверт с портретом контр-адмирала Михаила Фёдоровича Сойгина

Михаил Сойгин родился 2 июня 1918 года в селе Труслейка (ныне Инзенский район Ульяновской области). После окончания в 1941 году Ленинградского высшего военно-морского инженерного училища он служил на Северном флоте на эскадренном миноносце «Гремящий». В 1952 году окончил Военно-морскую академию и продолжил службу в качестве преподавателя до 1983 года. Специалист в области судовых ядерных энергетических установок. Им написано

Марка. Миноносец «Гремящий»

свыше 100 работ. Доктор технических наук (1968), профессор (1970), контр-адмирал (1972), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1979). На-

гражден орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

М.Ф. Сойгин умер в 1995 году, похоронен в Санкт-Петербурге.

В Инзе одна из улиц носит имя М.Ф. Сойгина.

Специалисты утверждают, что конверты с портретом Сойгина станут настоящей находкой для коллекционеров. Совсем скоро из Ульяновской области они разлетятся по всему миру.

Демид Устинов

По Суре: из прошлого в будущее

В этнокультурный туристско-спортивный фестиваль «По Суре: из прошлого в будущее» пройдет с 19 по 22 июля 2018 года. В программе фестиваля: водный, велосипедный, пешеходный маршруты по Суре.

За четыре дня туристы побывают в селах трех районов области: Инзенского, Карсунского и Сурского. Программа включает экспедицию по следам одного из основателей фотоискусства в России Вильяма Каррика; посещение святых и исторических мест; выставку работ московского фотохудожника Леонида Лазарева. Запланированы мастер-классы, показательные выступления мотоциклистов, концерты, конкурсы исторической песни, дискуссионные площадки, соревнования по волейболу и спортивной рыбалке.

Организаторы: УлГУ, Центр истории и культуры ЦСИ Ульяновской области.

Подробнее в группе «ВКонтакте»: https://vk.com/sura_2016_2017

Святой покровитель земли Симбирской

17 июля исполнится 255 лет со дня рождения Андрея Ильича Огородникова (1763–1841), еще при жизни получившего известность далеко за пределами Симбирска.

Он родился в бедной мещанской семье. С 7 лет Андреюшка «[...] зимою, в самые лютые морозы, и летом, невзирая ни на какие перемены погоды, стал бегать по улицам города босиком, в одной длинной рубахе, и с той поры сделался предметом благоговейного почитания и удивления для одних, сомнения и предубеждения для других, и для некоторых, к счастью, немногих, предметом насмешек и глумления».

П.Л. Мартынов писал: «Лишенный, по-видимому, всех даров природы, скорченный, имевший жалкий вид, Андрей Ильич принял на себя подвиг юродства и молчальника на всю жизнь. После смерти родителей он с сестрой Натальей, служившей ему до его кончины, приютился в хижине, построенной для него в 1813 г. помещицею Е.А. Мильгуновою, на Панской улице [...]. Одним из обыкновенных его занятий было стоять на одном месте по целым часам, перекачиваясь с ноги на ногу. [...] Так целые дни, а иногда и ночи, он стоял на церковной паперти или на колокольне, в трескучий мороз босиком, в одной рубахе; вытаскивал голыми руками чугунные горшки из пылающей печи; целовал кипящий самовар, причем случалось, что обливался кипятком – и все это не имело никакого влияния на его здоровье».

Андрей Огородников жил в приходе Вознесенского храма.

«Особенное внимание современников обращал на себя несомненный дар прозорливости Андрея Ильича; все, что ни подавал он встречавшимся с ним, имело значение и смысл: кому даст деньги – тот разживался и богател, кому предлагал щепку или землю – тот вскоре же умирал».

Священнослужители отмечали, что почитание блаженного многократно усилилось в годину Отечественной войны 1812 года: «Многие из знатных дворянских фамилий стали посещать замечательные русские святые обители». Но в Саровской пустыни Серафим Саровский «[...] отказывал в

благословении приходившим к нему симбирским богомольцам и, отсылая их в отечественный город к Андрею Ильичу, говорил: «Зачем это ко мне, убогому, вы трудитесь приходить, – у вас лучше меня есть, Андрей ваш Ильич». Вера в него как в праведника, покровительствующего своими молитвами Симбирску, непоколебимо упрочилась.

27 ноября 1841 года блаженный скончался. Епископ Герасим писал: «Стечение к хижине его людей всякого сословия было чрезвычайное, улица была запружена экипажами». Похороны бедного мещанина были устроены «от своего усердия богатым купечеством и знатным дворянством. В богатом гробе, в обычной длинной рубахе и босой, как ходил при жизни, Андрей Ильич покоился 5 суток в своей маленькой тесной хижине. [...] 3-го декабря останки блаженного торжественно были перенесены с благословения епископа Анатолия в Вознесенский собор ко всеобщему здению, по совершению которого затем во всю ночь при гробе были отправляемы панихиды».

Владыка избрал местом упокоения старца кладбище Покровского мужского монастыря, «где обыкновенно погребались лишь люди знатные». К тому же в монастыре в ту пору располагался архиерейский дом.

В советское время Покровский монастырь с некрополем был уничтожен, на его месте устроен сквер. Лишь осенью 1991 года была обнаружена и восстановлена могила Андрея Ильича. 3 июня 1998 года святой блаженный Андрей, Христа ради юродивый, симбирский чудотворец был прославлен в лике местночтимых святых Симбирской епархии по благословению патриарха Алексия II. Тогда же святые мощи блаженного были перенесены в церковь во имя Всех Святых. А в октябре 2004 года блаженный Андрей Симбирский был причислен к лику общецерковных святых.

5 июня 2009 года на здании на ул. Энгельса, 23, где некогда стояла

С.П. Слесарский.
Андрей Блаженный Симбирский.
2017

хижина, в которой жил и скончался Андрей Огородников, была открыта мемориальная доска. Ее освятил Симбирский архиепископ Прокл. Скульптор Олег Анатольевич Ключев выполнил доску похожей на икону-складень. В центре помещено изображение Андрея Симбирского, а на боковых створках – рельефы, хижины святого и трех симбирских соборов, в том числе Вознесенского, на паперти которого часто видели блаженного Андрея.

5 февраля 2015 года в храмовом комплексе нового Спасо-Вознесенского собора на ул. Минаева был открыт памятник Андрею Симбирскому. Молебен на открытии совершил митрополит Симбирский и Новоспаский Феофан (р. 1947). Святой покровитель города изображен в полный рост, в длинной рубахе, босиком. В правой руке он держит две щепочки. Андрей Ильич обращен лицом к собору. Автор памятника – ульяновский скульптор Игорь Степанович Смиркин, чей проект победил на конкурсе, объявленном в 2013 году.

9 декабря 2015 года мощи небесного покровителя Симбирска перенесли в Спасо-Вознесенский кафедральный собор.

Подготовлено по материалам книги «Улица Гончарова»

Художник
Станислав
Слесарский

Искусство в пространстве времени

Станислав Петрович Слесарский родился в 1945 году в Казани. Учился в Казанском художественном училище (1959–1964). В 1973-м окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (мастерские профессоров А. Д. Зайцева, В. В. Соколова, Л. В. Худякова). С 1980-го – член Союза художников РФ. С 1987-го живет и работает в Ульяновске. Участник выставок с 1974 года. Заслуженный художник России, лауреат Международной премии имени А. А. Пластова, член правления УРО ВТОО «Союз художников России». Произведения художника находятся в музеях и частных коллекциях России и за рубежом.

«Подсолнухи для Гогена». 2002

Весной этого года в Ульяновске с успехом проходила персональная выставка заслуженного художника России, известного ульяновского живописца Станислава Слесарского. Произведения художника являются частыми участниками выставок Ульяновской организации Союза художников России. Но такая полная экспозиция стала открытием и редким подарком для любителей искусства: по полноте насыщения залов разновременными картинами, по многоплановости художественных воплощений, по представлению одновременно частных и объективных посылов в пространстве времени. Без суеты, открытой декларативности в решении иобретении временного пространства, творчество художника определяет собственное место в художественном процессе. Это важный отчет, осмысление сделанного и, вероятнее всего, отчет новых творческих возможностей. У Слесарского много жизненных и творческих качеств, которые определяют его как человека совестливого, как художника беспредельно честного. Перед самим собой, перед зрителями.

То, что прежде всего отличает творчество Слесарского – широкая амплитуда художественных проявлений. Она же дает широкий выбор средств, образных решений. Подобный творческий охват воплощается в произведениях на исторические и жанровые темы, в портретах, пейзажах, натюрмортах. Разнообразие живописных возможностей придает картинам художника прямое обращение к историческим «коридорам», предлагая общение с эпохами напрямую, с участием двух посредников – художника и зрителя.

«Богдан Хитрово» (2016) – это персонаж реальный и в какой-то степени фольклорно-сказочный. Потому полотно художника буквально переполнено фольклором – традициями русской народной картинки. Лубочные мотивы просвечивают и в других произведениях. Это действенное следование традициям, поиски соответствия замысла его решению. В ранней картине «Емелька Пугачев» (1998) былинность и историческая достоверность меняются местами. Только круп лошади, отрешенная ворона, вздымающаяся вверх повозка, фигура в нелепой позе. Горькая насмешка над судьбой – в пустынности и одиночестве героя. Народные представления, получающие дополнитель-

«Богдан Хитрово». 2016

«Емелька Пугачёв». 1998

«Мать Россия». 2002

листических начал с этим кодом. Одно время Станислав Слесарский работал реставратором в соборах и церквях. Вероятно, отсюда вошла в его полотно осознанная монументальность не только в решении замысла, но и в самом представлении об искусстве иконописи. Созданные в разные годы картины «Возвращение» (1995), «Мать Россия» (2002), «Два апостола» (2011) несут в себе эту монументальность.

В жанровых картинах «Дворик в Прислонихе» (2015), «Дедовы просторы» (2015), «Прощание с колодцем» (2007), «Хлебороб» (2016) пауза внешнего свойства сиюминутна, важнее внутреннее движение. Соединившись, они образуют неспешную гармоничность существования – как частного, так и глобального. Влетающая в окно муза так же реальна, как яркое лоскутное одеяло, как открывающиеся в окнах просторы деревни. Что это? И сон, и явь в картине «Деревенская муза поэта Чеснокова» (2018).

ную наивность в определении мира, у художника проходят путь от частного к общему. Подобное решение лежит в основе полотна «Андрей Блаженный Симбирский» (2017).

В картинах «Кормилица» (2012), «М.Ю. Лермонтов» (2014), «А.С. Пушкин» (2009) – бережное приветствие от первой половины XXI века искусству романтических и трагических коллизий, альбомных акварельных откровений и наивности первой половины XIX века. И эти проявления, присутствующие в картинах, дают еще одно соединение в пространстве времени. «Подсолнухи для Гогена» (2002) и «Ван Гог» (2003) – напоминание о великом времени обновления искусства – конце XIX и начале XX веков, о неистовой творческой энергии художников-новаторов. Эта энергия заполняет холсты солнечными сплетениями, в которых живет само понятие художественного пути.

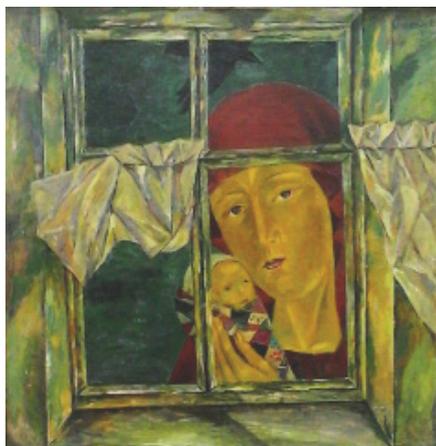
Такое многоплановое понимание мира в различных живописных проявлениях создают два полюса, лежащие в основе творческого метода Слесарского: конкретика и обобщение. Два полюса, бывает, сходятся в одном произведении. Обобщение в качестве основы исходит от творческого осмысления русской иконописи с ее великим знаковым кодом. У Слесарского происходит органичное соединение ре-

«Прощание с колодцем». 2007

«Портрет дочери». 2004

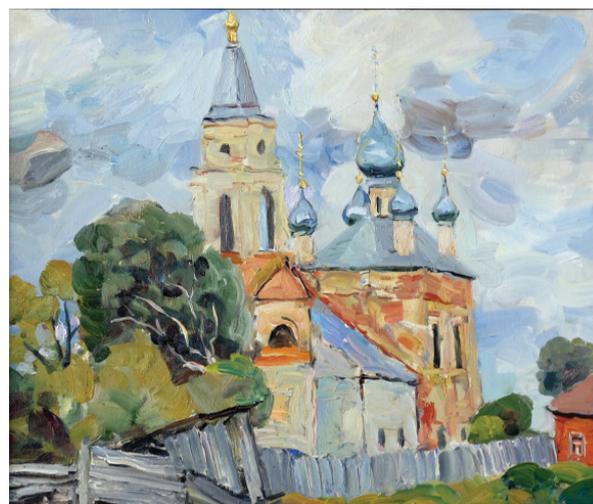

«Возвращение». 1995

В портретах путь художника проходит от предельной конкретизации образа, подчеркнута живущего здесь и сейчас, – к обобщению. А значит, к параллелям с разнообразными отражениями более широкого мира. Этот путь лежит и через деликатный декоративизм. Декоративное свойство наполняет натюрморты Слесарского, оно же неизбежно играет свою «тихую роль» в натуральных пейзажах.

Творчество Станислава Слесарского, так полно представленное на выставке, отражает постоянные поиски бытия. Вопросы и ответы – вера в созидательность искусства, новые грани в оценке истории и нашей повседневной жизни, еще пока не ставшей историей, – это, вероятно, начало нового отсчета для художника, когда многое еще впереди.

Елена Сергеева,
искусствовед,
зав. музеем изобразительного
искусства XX–XXI вв.

«Пейзаж с храмом». 2017

«Два апостола». 2011

Скульптура «Игра» из серии «Гравитация», деревотонированное. Работа Д. Потапова. 2016

Игра гравитации

Мысли скульптора Дмитрия Потапова

Иногда кажется, что о себе знаешь практически все или много, ровно столько, что можешь себе объяснить. Иногда тебя называют скульптором, чаще по имени и реже художником, словно это имеет принципиальное значение. На это я совсем не обижаюсь, возможно, что меня еще не назвали по-настоящему и окончательно. Названия приходят отовсюду, редко они остаются, проверяя меня и себя на соответствие, и не навязчиво исчезают. Были времена, когда слова и определения висели над головой, как

Дмитрий Геннадьевич Потапов – член Союза художников России, художник, скульптор, фотограф. Родился в 1967 году в Ульяновске. Окончил Пензенское художественное училище имени К.А. Савицкого. Основное занятие – скульптура, ее изучение через творчество в форме авторского видения искусства.

бешеные пчелы над ульем. Это были мысли, необузданные создания вокруг, они все были мои, но управлять таким роem дело незавидное. Тогда мне хотелось быть всем на свете.

Еще не будучи художником, меня волновал вопрос. Мне на него отвечали радиорепродукторы, громкоговорители, пели пластинки, крутили катушки магнитофоны, кинотеатры выплескивали в зрительные залы большое кино, но ничего я не слышал, даже не понимал самого вопроса. Культура и искусство смотрели на меня с обложек альбомов и журналов, показывая отстраненную недоступность, герои античности демонстрировали атлетические торсы, и дева Афина сверкала огненно-золотым шлемом, потрясая копьем в лучах бесподобного Аполлона. Наверное, ничто так не повлияло на меня, как этот сверкающий шлем, за право созерцать который нужно было сражаться на пределе физических сил и самопожертвования. Зато прослыл я тогда простодушным.

С тем, что не бывать мне интеллектуалом или, на худой конец, интеллигентом, я почти смирился, слушал, что мне говорят, и не всегда мог повторить то, что от меня хотели услышать. Зачастую рядом появлялся друг, готовый поделиться научным багажом. Я желал быть мудрым и зреть в корень. Значит, надо было отбросить лишнее и, что главное всего, видеть и различать увиденное. Когда изредка я открывал рот, чтобы изречь благодарность за все, что для меня делали, вокруг слышались слабые вздохи утешения. Видимо, от этого никуда не деться. Огромный мир плыл надо мной в своем облачном великолепии, вся его небесная власть была так далека и недоступна, чтобы упокоиться в ней безмятежным разумом маленького человека. Под ногами лежала твердь, такая податливая, как глина, готовая превратиться во все, что тебе хочется.

Не обладая даром красноречия, я пытался играть и, играя с предметами,

наделял их душой, давал имена и придумывал сюжеты их взаимодействия. Так я стал скульптором. Это еще не была моя профессия, еще долго я не хотел признаться себе в этом, но то, что это случилось, отрицать было поздно. Все происходит в один миг, даже когда кажется, что проходят годы.

На фото – скульптура «Игра» из серии «Гравитация». Зрительная метафора, к которой я обратился, говорит о том, что есть нечто более притягательное, чем мы сами, и это обладает сверхчеловеческой силой, а все вокруг подчинено этому воздействию, как обратимому желанию. Шар, как совершенная форма, является активным центром композиции и, как всякий центр, кажется неподвижным, хотя его вращение так высоко, что его невозможно увидеть. На это указывают лишь увлекаемые в его гравитацию человеческие фигуры, которым кажется, что это они играют шаром, хотя, на деле, шар играет людьми.

Дмитрий Потапов

Антон Шабалкин: «Архив – это биография»

Ходячая энциклопедия Ульяновска – так, пожалуй, можно назвать постоянного автора и сегодняшнего собеседника «Мономах» Антона Шабалкина. 13 июня этого года архивисту исполнится 50 лет, из которых 32 он посвятил работе в архиве, куда пришел в октябре 1985 года. С тех пор он изучает историю Симбирского-Ульяновского края и рассказывает о ней в статьях, лекциях, радиопередачах и на экскурсиях жителям и гостям Ульяновска. Накануне юбилея мы встретились с Антоном Юрьевичем и поговорили о его жизни и профессии.

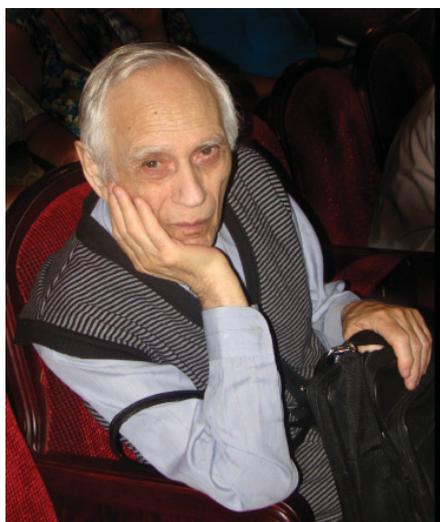

– **Антон Юрьевич, почему вы пошли работать в архив?**

– Я всегда говорю, что в архив люди, как правило, попадают случайно. Ни одного ребенка нет, который в детстве мечтал бы стать архивистом. Мечтают быть летчиками, космонавтами, моряками. Я о существовании в нашем городе Государственного архива впервые узнал тогда, когда переступил его порог.

После окончания школы я не очень хорошо представлял, чем займусь, но интересовался художественным творчеством, причем великим художником себя никогда не мнил, а вот заниматься искусствоведением было интересно. Я учился в детской художественной школе, которую основал Юрий Васильевич Павлов. Кстати, одним из педагогов во втором классе у нас был Владимир Константинович Дмитриев, нынешний отец Владимир из села Прислониха. Люди достаточно интересные. И я подумывал поступить учиться на искусствоведа, но проморгал экзамены на заочное отделение самого знаменитого института в здании Академии художеств на набережной Невы. Поэтому год мне нужно было проработать в музее.

Сперва я пришел в художественный музей. Мне дали подготовить лекцию по искусству XVIII века. Я что-то там пробекал-промекал, ибо язык у меня тогда был еще очень плохо подвешен. В музее вздохнули и предложили еще попробовать силы в галерее «В.И. Ленин в изобразительном искусстве». Я пошел на ул. Л. Толстого, там сказали подготовить текст по залу, посвященному Гражданской войне. Но, видимо, это тоже не произвело

Музейный патриарх М.Х. Валкин.
18 июня 2012

особого впечатления, и дальше произошло следующее. Возглавлявший тогда галерею Марк Харитонович Валкин – наш легендарный музейщик, много лет руководивший краеведческим музеем (будучи на пенсии, он работал в Ленинской галерее), меня спрашивает: «Может, в архив тебе?». Поскольку пора было уже определяться: летом окончил школу, а уже октябрь на дворе, я согласился. Он при мне звонит начальнику архивного отдела облисполкома Сергею Кузьмичу Гребневу – и просто дословно: «Да нет, не родственник, просто хочу помочь парню». Положил трубку и говорит: «Иди, спросишь Гребнева. Знаешь, где архив?». Я кивнул, хотя плохо представлял, где это. Нашел архив только со второй попытки. Это было начало октября. В архиве как раз была потребность в операторе микрофотографии, то есть микрофильмирования документов. Мне сказали: «Сейчас 7 октября, День Конституции, праздничные дни. Ты подумай, надумаешь, после праздников приходи». 9 октября 1985 года я пришел и с тех пор так и работаю в архиве, хотя сам архив за это время сменил несколько адресов.

ГАУО с юго-восточной стороны.
Ул. 12 Сентября, 7а. 9 октября 2017

– **О переездах, сколько их было у архива?**

– Сказать, сколько было переездов, затрудняюсь. Много. Одно время переезжали в Дом правительства, потом перевозили и малые группы документов: что-то в здание архива новейшей истории, что-то потом приходилось перевозить обратно. Но каждый переезд не несет ничего хорошего документам, которым требуются определенный температурно-влажностный режим и минимум физического воздействия. Из-за переездов прерывается и научная работа, и выдача справок населению.

Опустевший пристрой ГАУО.
1 августа 2009

Не зря говорят, каждый переезд хуже наводнения и пожара.

– **В сентябре 2017 года Госархив переехал на ул. 12 Сентября. Как вам новое здание?**

– До центральных архивов – московских, питерских – нам, конечно, далеко, но оборудование у нас хорошее: по сканированию документов, обеспыливанию. У нового здания много плюсов, но я, видимо, достиг того возраста, когда кажется, что раньше и вода была мокрее, и трава – зеленее, поэтому для меня родным остается то церковное здание в переулке Гоголя, где я начинал работать.

– **Начинали вы оператором микрофотографии в лаборатории реставрации и микрофильмирования. Расскажите, в чем заключалась ваша работа?**

– По тем временам была шикарная машина – съемочный аппарат немецкой фирмы Carl Zeiss Jena, система-докуматор. Я клал документ, нажимал на кнопку или ножную педаль, и производилась съемка. Кстати, докуматор высоко ценился, подарок нашему городу в двух экземплярах: один на автозавод, другой – архиву. В других регионах нам завидовали. Так вот, помимо того, что микрофильмировались документы фондов, которые потом на пленках выдавались исследователям в читальный зал, еще была подготовка фотодокументальных выставок. Одно время, в 80-е годы, к круглым датам устраивались выставки в витрине типографии «Ульяновская правда» – то, что сегодня

ня мы знаем как Дом печати на улице Гончарова, – там вывешивались большие фотографии 30х40 по разным темам, к примеру, Гражданской войне, революции.

– В лаборатории вы работали один?

– Работали в паре: я – оператор и Александр Владимирович Пономарев – фотограф, который, когда я устроился, должен был обучить меня работе оператора. Пономарев – талантливый фотограф, энергичный мужчина, но человек, у которого с дисциплиной так же, как и у меня, было сложно. Иногда он на неделю или полторы исчезал. В архиве никто не знал, где его искать. Начальник лаборатории Валентина Петровна Павлова говорила: «Ох, придет, я этому Пономареву голову оторву». И вот появлялся Пономарев, я ему говорил: «Валентина Петровна грозилась вас убить». Он поднимался вверх, а кабинет начальства располагался прямо над моим, и раздавался хохот Павловой. Пономарев был ужасно обаятельным человеком, начинал рассказывать какие-то байки. Потом он уходил в проявочную комнату – иногда на целые выходные, иногда оставался в ночь и за несколько дней наверстывал объем работ за пропущенную неделю. В первый мой рабочий день его тоже не было, его в колхоз вроде направляли. Поэтому у меня была очень примитивная работа. Мне то ли после реставрации давали укладывать листы дела, чтобы его потом на станке подшивать, то ли нумеровать листы. То есть что-то скучное и банальное, я приуныл и ждал, когда

А.В. Пономарев (1945–2009).
Фото середины 1980-х

А.Ю. Шабалкин, Л.А. Сомова, Т.А. Громова, И.Э. Сивопляс на вручении премии «Шапка Мономаха». 18 декабря 2014

же этот легендарный Пономарев появится. Кстати, был такой архивный фразеологизм: красив, как Сашка Пономарев.

– Вам приходилось просматривать огромное количество документов. Какой из них произвел на вас впечатление?

– Если брать начало работы, напомним, что в архив я пришел в годы перестройки, когда поднялась волна разоблачения «ужасов прошлого», и вдруг мне попадает документ, что здесь в 1912–1913 годах отбывал ссылку Генрих Ягода, будущий глава НКВД. Это было интересно. Мы еще обсуждали: «Да, это тот самый Ягода, про которого была статья в «Огоньке», он у нас был молодым в ссылке». С тех пор уже столько всего увидено, услышано, просмотрено, опубликовано, что выделить какой-то один документ невозможно. Может, еще я не такой эмоциональный человек.

– Какая историческая тема вам близка?

– Лет 10–15 назад вместе с Иваном Эдуардовичем Сивоплясом, – который хотя и моложе меня на 4 года, многое мне дал, я учился у него, как работать с документами, как документ пропустить через себя и потом написать статью, – мы «болели» историей симбирских губернаторов. Причем столкнулись с тем, что до революции эту тему особо не поднимали. Это как всегда – один начальник приходит на смену другому, старается забыть все, что было при предшественнике, и начинает с чистого листа. Губернская архивная комиссия пыталась собирать материалы, многое

было сделано тем же Павлом Любимовичем Мартыновым. Но когда мы стали заниматься, нашли массу ошибок. В советское время, естественно, губернаторами никто не занимался. В книгах, посвященных семье Ульяновых, губернаторы упоминались, но часто даже не писались их фамилии. Мы с Сивоплясом погрузились в тему и лишней раз убедились в том, что история постоянно повторяется: какие-то сюжеты находили отклики, то есть мы могли сравнивать губернатора с тем или иным начальником. Даже в статьях мы писали: у него была такая должность, будто он Чубайс и такой-то в одном флаконе. И неоднократно вспоминали русскую литературу – и Гоголя, и Салтыкова-Щедрина, сюжеты из их бессмертных произведений, пусть и с гиперболами, но то, что творилось в действительности, недалеко от этих гипербола уходило.

– Антон Юрьевич, вы пишете книги на основе архивных документов. Легко ли вам это дается и где черпаете вдохновение для их создания?

– Все, что касается издательской деятельности архива, начиная с 2004 года неразрывно связано с именем Людмилы Александровны Сомовой, человека, который больше 40 лет работает в архиве. Она как раз стала той искрой, из которой возгорится пламя. Именно ей принадлежат идеи многих сборников и не только. Когда приближалось 200-летие со дня рождения Ивана Александровича Гончарова в 2012 году, Людмила Александровна сказала: «Близится юбилей Гончарова, давайте издадим гончаровский календарь». Я скривился: «Чего это мы бу-

Презентация сборника «Родина Гончарова». 15 августа 2012

дем издавать, у нас вон Музей Гончарова есть, пусть у них голова болит». Но она нас как-то заразила этой темой, и мы засели. Причем самое трудное в работе – это начать и остановиться, то есть сначала заставить себя полюбить это дело, а потом от него оторваться. Этот календарь стал событием. Потом уже стали издавать карамзинский календарь и другие. Но мы, можно сказать, стали пионерами в издании такого календаря, который был не просто с картинками, он был информационным. Некоторые школы до сих пор используют его как наглядное пособие.

Потом Людмила Александровна сказала: «Гончаровым занимаются многие, но у нас есть улица Гончарова, которая тоже отмечает юбилей: Гончарову 200 лет, улице – 100, как она носит его имя. А давайте мы сделаем виртуальную экскурсию». Параллельно мы еще работали над сборниками «Родина Гончарова» и «Симбирские люди в Отечественной войне 1812 года». Поначалу подготовкой виртуальной экскурсии занимался другой отдел, потом мне Людмила Александровна говорит: «Слушай, подключайся. Нужно делать презентацию. Ты в Photoshop уже поднаторел». Ну я и подключился. Получилось 60 с чем-то слайдов. Материал опять-таки интереснейший. И я понял, что, хотя почти год изучал документы по улице, еще многого не знаю. Выросло это в книгу «Улица Гончарова», которая стала бестселлером. Я автор-составитель, но человек, без которого этой книги не было бы – это Людмила Александровна Сомова. Она умеет заставить работать, причем не в приказном порядке, а через «давай попробуем». Начинается

мозговой пинг-понг, я бы сказал, когда идеями уже обмениваешься налету. Почти как в «Бриллиантовой руке»: «А что если...» – «Не стоит». – «Тогда может быть нужно...» – «Не нужно». – «Разрешите хотя бы...» – «А вот это попробуйте». Когда уже на полуслове понимаешь друг друга. Например, такой диалог: «Чем сейчас занимаемся?». – «Да вот, письма Шурки». Это значит – готовим к публикации письма из окопов Первой мировой войны, Александра Владимировича Поливанова.

– **В архиве хранится более миллиона документов. Для обывателей поиск в архиве – это все равно что поиск иголки в стоге сена. Скажите, трудно ли найти то, что нужно вам?**

– По-разному бывает. Иногда само плывет в руки, что нужно. Видимо, когда занимаешься какой-то темой, просто где-то похожее слышишь, видишь, и срабатывает контакт, а иногда бывает, что уже вроде бы все нашел, а потом совершенно случайно, там, где и не предполагал, на что-то натыкаешься. Здесь непредсказуемо.

– **Антон Юрьевич, можно сказать, что вы лично, хоть и заочно, знакомы со многими симбирянами прошлого. Кто для вас более симпатичен?**

– Естественно, свои любимцы есть. Из губернаторов, например, князь Лев Владимирович Яшвиль, человек, который понимал порочность тогдашней системы, который откровенно писал в Санкт-Петербург в Министерство внутренних дел: «Кроме очень немногих, в России нет довольных, вероятной причиной этому всеобщая

Князь Л.В. Яшвиль. Фото ГАНИ

бедность и необеспеченность». Писал он о проблемах, вызванных Русско-японской войной, неудачных министрах. Ему пришлось править как раз в начале Первой русской революции: в 1904 году он был назначен, в 1906-м его Столыпин сместил. При этой всей кипевшей тогда жутко варившейся каше политических страстей он старался выпускать пар, чтобы не было социального взрыва. При нем не было таких кровопролитий, как в соседних поволжских губерниях. Он писал: «...В беседах с крестьянами, которые я веду теперь каждый день, ...жажда земли так велика, что они ни о чем другом не думают». Когда начинались забастовки, приглашал фабрикантов и предлагал им пойти на уступки: повышение зарплат, сокращение рабочего дня и т. д. Лучше пожертвовать малым, чем лишиться всего. Так вот, на него

реакционерами была составлена жалоба-петиция. В январе 1906 года местные дворяне во главе с предводителем дворянства Поливановым добиваются аудиенции у Николая II. Потом уже нужен был только повод, чтобы сместить этого губернатора. Причем он не отказывается от своих взглядов и в том же 1906 году в Киеве издает книгу «Воспоминания о Симбирске 1905–1906 годов», где достаточно откровенно описывает ситуацию в городе. Он не был ни в коем случае революционером. В книге он и о революционерах критически отзывался, и о консерваторах-реакционерах, которые ничего не хотели менять. То есть такой человек – белая ворона среди чиновников. У нас же, как правило, что-то спускают сверху, сразу берут под козырек, а он даже в своих мемуарах писал: «Для того, чтобы оставаться честным человеком, надо не все исполнять». То есть фактически саботировал некоторые указания центра, ради блага региона.

Нам пока далеко до него. К сожалению, мы никак не научимся трезво смотреть на свою историю, стремясь противопоставить «богоспасаемый Симбирск» советскому Ульяновску. Но нельзя идеализировать и огульно охаивать целые эпохи. Борьба с советскими символами и названиями, в том числе недавнее переименование площади Ленина, приведет к тому, что люди перестанут уважать историю края. То, что в 1930-е годы был снесен архитектурный памятник – Свято-Троицкий собор, трагедия и преступление. Но намного ли лучше действия тех, кто переименовывает площадь и поговаривает о «возрождении» храма, не сообразуясь с градостроительной ситуацией.

Еще мне очень интересны врачи, биографиями которых я занимаюсь. Не просто высочайшие профессионалы, но и яркие неординарные личности: окулист Григорий Васильевич Суров и психиатр Василий Александрович Копосов. Этот ряд, конечно, можно продолжать. То есть всегда интересны люди из ряда вон выходящие. Просматривая документы, замечаю, что хотя официальный документ – это всегда какой-то определенный стандарт, что и должно быть, но самое интересное, это когда от норматива отступают, тогда прорывается живое чувство.

– Знания некоторых кандидатов и докторов исторических наук на фоне ваших просто блекнут. Почему вы не пошли в науку?

Антон Шабалкин в читальном зале ГАУО. Март 2004.
Фото В. Никитина

– Наверное, потому что стараюсь быть на грани научно-популярного. Мне интересно рассказывать людям, которые не являются специалистами, живым языком об истории, чтобы можно было и как-то пошутить, и что-то вернуть, иногда сделать отсылку к современности. Научные статьи тоже публикую время от времени в сборниках, но не любитель этого. Не хочется высушивать факты. Потому что в научной статье от комментария лучше воздержаться. А иногда такие бывают нюансы, что подобно Пушкину хочется сказать: «Ай да сукин сын!».

– Считаете ли вы себя краеведом?

– Если честно, то на эту тему с журналистами всегда ругаюсь, я не краевед, я архивист. Краеведы – это очень широкое понятие. Какого-то четкого определения дать нельзя. Когда меня попросили в прошлом году для газеты Централизованной библиотечной системы определить термин «краеведение», я им коротко написал – осмысленная любовь к месту, где живешь. Потому что краеведение может быть самое разное: кто-то глобально смотрит по личностям, которые здесь родились, и прослеживает их путь до столиц, до заграниц (если это эмигранты), кто-то берет конкретный населенный пункт. Но, как я уже сказал, важна именно осмысленная любовь. Бывает, что человек мнит себя краеведом, но начинает такое нести, что не знаешь что делать: затыкать уши себе или ему рот. Все, кто так или иначе занимается историей края, в различной степени краеведы. Но я в первую очередь – архивист, стараюсь «идти от документа».

– Никогда не задумывались сменить работу?

– Бывали разные ситуации. Мне говорили о вакансиях и в заповеднике, и в краеведческом музее, но я отказывался и говорил, что даже, если что-то в архиве сейчас не так, мне тем

Читатели партийной прессы. В редакции «Ульяновской правды».
Фото И. Антоновой. 10 октября 2017

Культурная эволюция

более его неудобно предавать, бросать. В данном случае нужно оставаться верным тому делу, которому служишь, и когда это дело процветает, и когда переживает не лучшее время. Поэтому никогда не подумывал о другом месте работы.

– **Что для вас архив?**

– Можно сказать банально, совершенно избитой фразой – второй дом. Потому что я ничего другого делать не умею. Сейчас я себя вне архива не представляю, без архива уже не могу, надеюсь, и архиву без меня было бы не очень хорошо. Мы сейчас как-то нужны друг другу. Архив – это биография.

– **Давайте поговорим о ваших увлечениях.**

– Много лет я занимаюсь фотографией. Это как-то произошло отчасти от первой архивной должности в фотолaborатории. К примеру, нужны иллюстрации – идешь, фотографируешь дом или человека. Или, находясь в Питере, идешь по набережной Фонтанки, на здании доска: «В этом доме жил Николай Иванович Тургенев», – фотографируешь ее, а в голове: «Так, не забыть, когда буду на другой стороне Фонтанки общий вид сфотографировать». Это, можно сказать, как часть профессии.

Но профессиональным фотографом себя не считаю, поэтому говорю, что это не фототворчество, а фотофиксация. Хотя, как ни странно, в 2016 году Елена Константиновна Беспалова и Иван Сивопляс раскрутили меня на первую персональную фотовыставку «Я так вижу», которая проходила в рамках Сытинских чтений на территории Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина». Там я представил разных людей. Когда я им принес на отбор фото, нужно было выбрать где-то два десятка. У меня была папочка, озаглавленная «МУР», в ней подразделения: «Мордовские красавицы», «Ульяновские краеведы» и «Разное». В последней папке – фото людей, которые приезжали в Ульяновск, к примеру, директор Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова, или Никас Сафронов, в ней же фото ульяновских журналистов, священников. Очень люблю мордовский фестиваль «Масторавань морот», который проходит в селе Кивать Кузоватовского района. Каждый год привожу оттуда очередную порцию фотографий ядерных, кровь с молоком, мордовских краса-

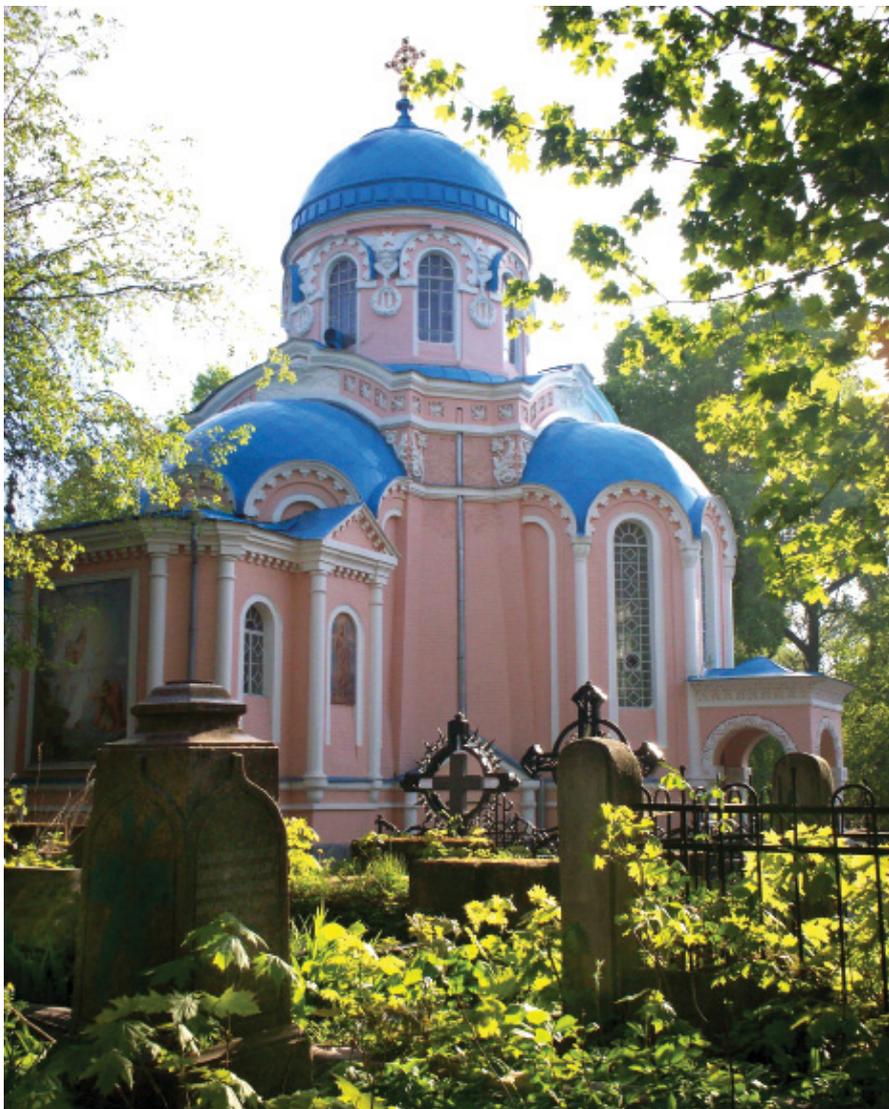
Фото с выставки «Я так вижу». ЗолотыекуполаАлексияСкалы. 7 апреля 2009

Фото с выставки «Я так вижу». И.А. Антонова. 27 сентября 2012

Мордовские богини (Ведява, Масторава, Наровава, Мекшава, Вирява) 24 августа 2013

Храм Воскресения Христова на кладбище

виц. Самая большая папка – «Ульяновские краеведы», где портреты моих коллег. Когда возник вопрос, как назвать выставку, я предложил: «Я так вижу». Название, которое защищало от каких-то придирок.

Экскурсии появились спонтанно, благодаря еще одному моему увлечению – некрополистике (изучению кладбищ), которым мы занимаемся вместе с Иваном Сивоплясом. У Воскресенского кладбища в 2014 году был юбилей – 140 лет со дня его открытия. Стал думать, что сделать. Я мог написать статью, выступить на радио, может кого-то из журналистов-телевизионщиков вытащить. Но это была бы капля в море. Тогда решил собрать журналистов, чтобы каждый из них написал о Воскресенском кладбище. Потому что когда одной темой занимаешься, ловишь себя на мысли, что говоришь шаблонно. Для экскурсии это, может, и хорошо, что текст не нужно заучивать, а для статей хочется разнообразия. Это было 22 июля, накануне кладбищенского юбилея. Пригласил группу журналистов – целевая аудитория, были, помимо них, еще и «простые смертные». Я прикинул – часика полтора-два походим. В результате мы ходили 4 или 4,5 часа. Но зато потом, в течение, наверное, месяца, появились одна за другой публикации и в

У схемы Воскресенского некрополя. 2 августа 2014

Экскурсия по Воскресенскому некрополю. Август 2015

печатных изданиях, и в электронных. Моя задумка превзошла все ожидания. Через несколько дней, 2 августа, я провёл вторую экскурсию, где основное ядро составили краеведы. А дальше пошло-поехало. Стали поступать заявки. Чаще всего заказывают экскурсию прихожане церкви Воскресения Христова. Я уже не знаю, сколько сотен живых ульяновцев я привел в гости в город мертвых (как переводится слово «некрополь» с греческого), и это уже стало чем-то неотъемлемым. Материал по теме разрастается. И теперь я, как правило, провожу одну большую экскурсию, разбитую на несколько частей. В 2017 году ее пришлось разбить на три дня. В общей сложности она составила 10 часов.

В 2015 году, зная, что я публиковал материалы о парке Дружбы народов, ко мне обратился директор Кре-

ативного бизнес-пространства «Квартал» Паша Андреев. Была инициатива возродить если не парк, то хотя бы интерес к нему. Мне это показалось интересным: с одной стороны – рассказать о славном прошлом парка, с другой – показать большому количеству людей нынешнее позорное его состояние.

В прошлом году, как известно, там началась реконструкция. Улучшит она состояние парка или выйдет «как всегда», сказать сейчас еще сложно. Если сравнивать с кладбищем, то после экскурсии и появления общества «Возрождение Воскресенского некрополя» люди туда потянулись. Там проходили субботники, причем участвовали и волонтеры, и сотрудники военкомата, и суворовцы, и городские службы сделали многое. Ну не сравнить, что было 5–10 лет назад. Хотелось бы, чтобы и парк нашел своих «возрождателей».

У статуи казашки. Экскурсия по парку Дружбы народов. 19 сентября 2015

Когда меня спрашивают, какие у меня любимые места в городе, я смеюсь: кладбище, заброшенный парк Дружбы народов и «Карамзинка». Историей больницы я тоже занимаюсь, но возить туда людей в силу специфики учреждения не стоит.

В 2017 году, к столетию революции, мне в Госархиве предложили разработать маршрут по центру города: «Симбирские судьбы на сломе эпох». Там идти, я просто по карте замерил, чуть больше двух километров. Но экскурсия тоже растянулась на 3 дня. Первый день ходили 4 часа, второй из-за того, что было холодно – 2 часа, и в последний день около 3 часов.

Пока все. Может, будут еще какие-то варианты. Про экскурсии по улице Гончарова меня неоднократно спрашивали, но там слишком шумно. Я пока выбираю локальные, ограниченные территории, где можно и спокойно ходить, и фотографировать, и говорить, чтобы тебя было слышно.

– Антон Юрьевич, вы всегда на связи с журналистами, сами пишете статьи, выступаете на радио и телевидении. При этом вас не найти в социальных сетях. Почему обходите Интернет стороной?

– Мне хватает того, что я по профессии публичный. Потому что по характеру я человек замкнутый. Когда мне говорят, пошли в кафе, я отвечаю, что предпочитаю есть в одиночку ночью на кухне и то, что готовлю сам. Иногда люди узнают мой номер телефона, звонят с вопросами то по поводу населенного пункта, то по церквям и так далее. Как будто вся информация у меня в голове по полочкам разложена. И мне неудобно отказывать сразу.

От такого внимания устаешь. Поэтому, когда я бываю в музеях Питера или Казани, рад, что чувствую себя простым посетителем, которого никто не знает и не подходит с вопросами.

Был забавный эпизод: мы ехали в трамвае со знакомой, о чем-то разговаривали, сидящая впереди женщина вдруг поворачивается и говорит: «Вы Антон Шабалкин, я вас по голосу узнала, слушаю ваши радиопередачи». Это приятно, но и напрягает. Повседневной публичности избегаю и принципиально ни в каких соцсетях не регистрируюсь. И бываю рад, когда меня не узнают.

Беседовала **Ольга Шипова**

Город: диалог прошлого с настоящим

Симбирский кремль. Снесён в последней четверти XVIII века. Фрагмент гравюры М.И. Махаева

К 370-летию основания Симбирска

Нам, жителям XXI века, знакомым с историей и не лишенным воображения, все же трудно представить, как выглядел наш город несколько столетий назад и чем занимались его жители. Но прошлое обладает притягательной силой, и мы снова и снова пытаемся заглянуть в него, вчитываясь в строки немногих дошедших до нас документов, листаем книги симбирских краеведов П.Л. Мартынова, К.И. Невоструева, А.Н. Зерцалова, В.И. Холмогорова и наших современников Б.В. Аржанцева, В.А. Гуркина.

Город-крепость Симбирск был выстроен на Симбирско-Карсунской засечной черте в 1648 году на высоком волжском берегу, откуда в наши дни праздно гуляющая по Венцу публика любуется заволжскими далями. Строителям крепости не дано было знать, что их детище на границе Московского государства со временем станет крупным административным и индустриальным центром России.

По устройству Симбирск мало отличался от крепостей XVII века: рубленый, четырехугольный в плане, с высокими стенами, башнями по углам и сторонам, тремя въездными воротами, от которых начинались дороги на Казань, Москву и «Крымскую сторону». С востока крепость защищали крутой волжский косогор и острог. Кремль с острогом были окружены земляным валом с глубоким рвом перед ним. Внутри кремля находились деревянная Троицкая церковь, дом воеводы, приказная изба, пороховые, винные и соляные погреба, тюрьма и еще несколько строений. В крепости посменно несли службу стрельцы, пушкарки и затинщики (обслуживали крепостную крупнокалиберную артиллерию). У ворот запираемых на ночь, дежурили воротники. Военную и административную

С.В. Иванов. «На сторожевой границе Московского государства». 1907

власть в городе представлял воевода, которому подчинялись дьяк и от двух до четырех приказных подьячих. Его окружали дворяне, воинские начальники, прислуга и иноземцы (пленные

поляки и прибалтийские немцы).

За стенами крепости вскоре образовался посад, населенный мирными жителями. По периметру посада тоже проходили ров и вал, а

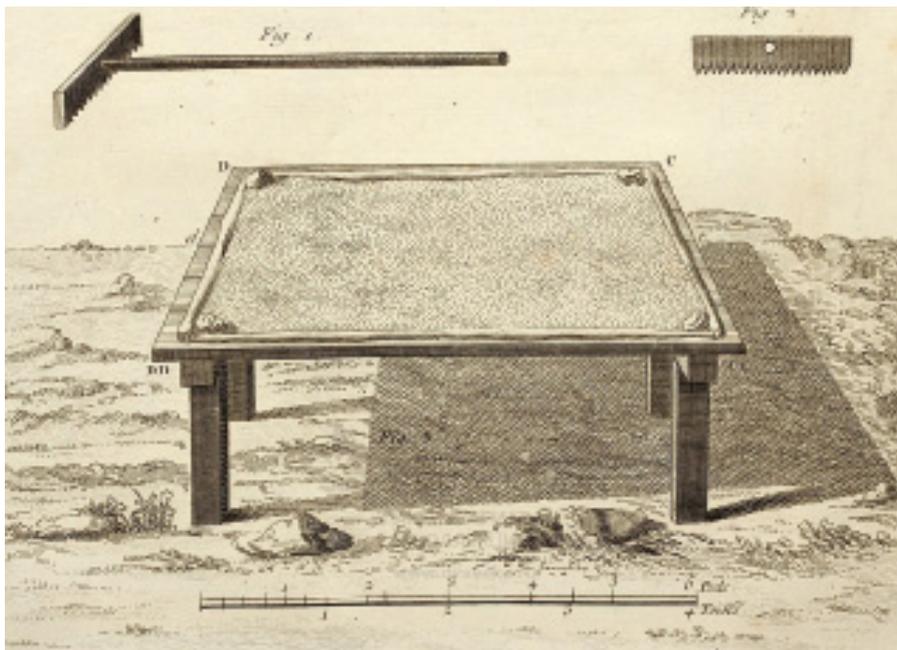

далее следовали слободы, в которых селились стрельцы, пушкарки и казаки, охранявшие подступы к крепости. Так появилась Стрелецкая (ныне площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина), Пушкарская (верхняя часть ул. Ленина), Свяжская конная казачья (нижняя часть ул. Ленина) слободы.

Военные (по тем временам их количество было значительным) играли важную роль в недавно образованном городе. Это объясняется тем, что рядом была граница, и город жил в ожидании нападения. Как показывает составленный дьяком Артемием Степановым документ, в 1661–1663 годах к Симбирску для несения военной службы было приписано 113 дворян и детей боярских (вместе с дворянами входили в число «служилых людей по отечеству»), 500 человек стрельцов и 762 казака, итого 1375 человек. Для сравнения: в те же годы в Карсуне службу несли 368, в Алатыре – 506, в Самаре – 551, в Саратове – 526, в Чебоксарах – 519 человек, и только в Казани и Астрахани количество служилых переваливало за четыре тысячи. Не все стрельцы и казаки постоянно находились в городе и уезде. Их часто отправляли в походы в волжские «понизовые города», где в те годы было особенно неспокойно. «Из того числа на службах: детей боярских на Дону 6 ч., на Царицыне 30 ч.; стрельцов и казаков на Дону же 572 человека, на Царицыне казаков и стрельцов 218 человек. А за службами в остатке: дворян и детей боярских 77 ч., казаков 365 ч., стрельцов 107 ч.; всего 549 человек».¹

Командирами воинских подразделений были стрелецкие и казачьи головы, сотники и десятники. Так, в 1653 году Онофрий Алексеевич Романов, стрелецкий и казачий голова надсматривали в числе других за строительством Симбирской черты, в 1667 году стрелецким сотником был Евдоким Аникеев, стрелецкими десятниками – Максим Прокофьевич Смолянинов и Петр Прокофьевич Муромцев.

Оставшиеся в городе воины в свободное от службы время строили и подновляли городские и крепостные сооружения, занимались ремеслами и торговлей. По данным Симбирской приходно-расходной книги, в 1667 году около 20 стрельцов и пушкарей имели свои лавки в городских торговых рядах, устроенных рядом с кремлевскими стенами на месте нынешнего Карамзинского переулка. Представленный ими то-

Сушка пороха

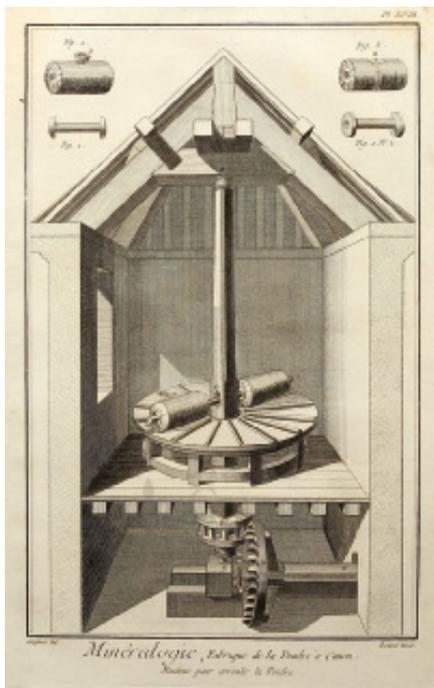

Схема мельницы для производства пушечного пороха

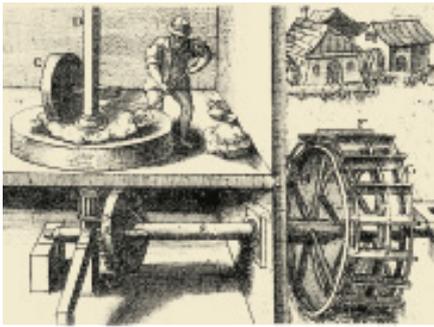
вар был разным. Стрелец Василий Тиханов торговал шелком, его сослуживцы Кирилл Юсов, Григорий Беляев и Илья Черников – рыбой, Иван Чебоксаренин, Василий Винокуров, Борис Смолянинов – квасом и сусликом, Терентий Юрьев, Прокофий Беляев и Прохор Космодемьянский – мясом. Если труба звала в поход, лавки тут же продавались. Так, Василий Тиханов 13 ноября 1667 года продал «в Симбирске на горе синбирскому пречистенскому пономарю» Борису

Офонасьеву свою лавку в шелковом ряду за 3 рубля.

Стрельцов привлекали и к другим работам. Иван Бахтин, например, был рыбного двора наводчик (старший из рыбаков), пятчик (укрепляющий невод береговой веревкой с колом) и метальщик; Федор Бакшеев переправлял «государеву» рыбу из Симбирска в Москву, а стрелецкий сотник Евдоким Аникеев доставил в Симбирск «50 пудов зелья пищального и 50 пудов свинца из Казани». Стрельцы и казаки по указу царя Алексея Михайловича собирали лекарственные травы на его обиход, разводили под городом тутовые сады.

Особым служилым сословием были дворяне и дети боярские. По сравнению с другими, они занимали в Симбирске более высокое положение. Среди них были грамотные люди, разбивавшиеся в строительстве и инженерном деле. В мирное время их назначали «горододельцами», как Леонтия Палицина и Петра Прокофьевича Муромцева.² Дворяне и дети боярские явились первыми русскими землевладельцами в крае, получая за службу вотчины, переселяли в них своих крестьян из центральных губерний и основывали здесь деревни и села. Среди первых симбирских поселенцев значатся Аксаковы, Ахматовы, Кротковы, Суровцовы, Суцзовы, Чириковы, Языковы.

В 1670–1671 годы мирную жизнь Симбирска и его уезда дважды нарушило крестьянское «войско» агаманов

Пороховая мельница. Гравюра. 1650

Стенки Разина и Федьки Шелудяки. Гарнизон крепости выдержал обе осады, и, хотя кремль был сожжен, его быстро восстановили, как и остальное немудреное городское хозяйство.

При восшествии на престол Петра I, на долю которого выпало много военных баталий, экономика страны перестроилась на военный лад. Для пушек нужно был, много пороха, и Симбирск стал одним из первых городов в Среднем Поволжье, где появился крупный по тем временам пороховой завод.

Долгое время порох повсеместно производили частным образом пороховых дел мастера. В 1678 году в Симбирске работало четыре таких мастера: Микишка да Алексей Родионовы, Степан Павлов и Федор Петров. Но в 1698–1699 годы по указу Петра на Карлинском валу был устроен селитряный завод с 8 варницами «и селитру варили в 15 котлах».³

Селитра (щелочь, нитрат аммония) была главной составляющей пороха. Ее вываривали «из земли и сора» повсеместно, не щадили даже, как видим, городских валов, перегнившая земля которых давала много селитры. Но чаще устраивали специальные селитряные кучи. «В них свозили навоз, золу, землю с кладбищ, листву, ботву с огородов, солому, пищевые отбросы. Все это обильно и многократно поливалось, обносило высокими заборами для защиты от солнца, покрывалось сверху соломой и оставлялось для созревания. Затем «селитряная земля» промывалась теплой водой, для растворения селитры. Полученный раствор упаривали в медных котлах и охлаждали в корытах. При этом на дне вырастали крупные прозрачные шестигранные кристаллы селитры. Их очищали повторной промывкой». Получение селитры было делом трудоемким, часто на селитряные варницы посылали тюремных узников, а чтобы не убежали, на них надевали обручи с цепью. В селитряные мастера назначались стрельцы, пушкари, дети боярские и даже штатские люди.

Второй этап – изготовление самого пороха из селитры, серы и угля. Серу получали из добываемой поблизости болотной руды или привозили из других мест, древесный уголь чаще производили на месте.

Техника изготовления пороха или «зелья» была довольно сложна. На «зеленой мельнице», устроенной «со всяким заводом медным и железным строением» на Свияге недалеко от Свияжской казачьей слободы, селитру, уголь и серу тщательно измельчали в толчеях или бегунах (жернова), почему пороховые заводы называли мельницами и строили обычно на реках, так как бегуны удобнее было приводить в движение водой. К тому же пороховая смесь перетиралась влажной, чтобы не взрывалась, не пылила и чтобы порох получался в виде твердых «лепешек». Далее шел процесс «зернения» – «лепешку» разбивали на мелкие твердые кусочки, но не в пыль, так как пороховая пыль быстро сгорает и может привести к разрыву ствола пушки. Для зернения брались решета из свиной кожи, в которые помещались свинцовые шары. Они измельчали лепешки

при трясении решета, и мелкие его частицы просеивались. После этого «пороховую мякоть» снова отправляли на бегуны, а зерна сушили в специальных «сушильных избах» или в банях. Вновь трясали на ситах, чтобы они терлись друг о друга и становились гладкими. Полученный таким образом порох укупоривали в дубовые бочки.

Работали «зеленые мельницы» только с весны до осени, в светлое время суток, потому что от лучины или свечки порох мог взорваться. Производство пороха было делом опасным.⁴

Каковы были мощности порохового завода в Симбирске, можно судить по цифрам в книге В.А. Гуркина: «...На зеленом заводе селитры нелитрованной 125 пуд 18 фунтов (1 пуд – 16 кг). Да в порох переделано сверх того числа 120 пуд, нелитрованной селитры 10 пуд, селитры не черкасского варенья в 29 бочках, по подписи 701 пуд 37 фунтов.

И в прошлом 1702 году, июня с 16-го июля по 25-е число, сделано пороху ручного пушечного 400 пуд.

На Свияге реке серной двор, где переплавливают серную руду в чистую серу, а по серную руду посылаются служилые люди. На том серном дворе: серы плавленной 26 пуд, да неплавленной 9 пуд, несущей серы 114 мехов, 44 трубы, которыми серу плавят.

В Синбирском уезде на Карлинском валу селитренных 3 варницы, на них по 2 котла медных больших; и ныне те котлы и всякие припасы велено послать в Астрахань для селитренного варенья, а в Синбирску селитренному варенью не быть».⁵ Простой подсчет показывает, что только за год было изготовлено 6,4 тонны пороха!

Стольник Дмитрий Иванович Молоствов, стоявший во главе симбирского предприятия, писал царю о перспективности дальнейшего развития селитряного дела в городе. Но по указу Петра I заводы для изготовления селитры построили под Астраханью, и производство пороха в Симбирске, по всей видимости, вскоре прекратилось.

Татьяна Громова,

старший научный сотрудник
Ульяновского областного краеведческого
музея им. И.А. Гончарова

¹ С.Б. Веселовский. Смета военных сил Московского государства 1661 – 1663 гг. – Москва, 1911.

² Аржанцев Б.В. От нищего до воеводы. – Ульяновск, 2002.

³ Дубман Э.Л.. Южное Средневожье в планах и деятельности

Петра I.

⁴ Красногоров В. Пять веков зеленой дела. Сайт: <https://www.litmir.me/br/?b=251430&p=1>

⁵ Гуркин В.А. На берегах русского Нила. – М., 2005.

Продолжение. Начало в № 3, 4, 6 (2017) и № 1 (2018)

Мемуары В.Г. Шапрон дю Ларре

*В.Г. Шапрон дю Ларре
1947*

В.Г. Шапрон дю Ларре

«Мономах» продолжает публиковать воспоминания офицера царской армии В.Г. Шапрондю Ларре, написанные им в эмиграции во Франции. На страницах дневника дворянин рассказывает о революционной России, при этом не скрывает неприязни к новой власти. Не имея зачастую достоверной информации, он по-своему передает суть происходящего.

Дом Шапрон дю Ларре. Улица Ленина, д. 99

Глава IV
Возвращение в Симбирск
(печатается с сокращениями)

По возвращении в Симбирск с огромной радостью я нашел всю свою семью в добром здравии. В тот же вечер мы с женой нанесли визит нашим друзьям – семейству барона Розена¹. До войны барон был полковником уланского полка, расквартированного в Симбирске. Мне не терпелось узнать о ситуации в Сызрани. Супруги Розен только что прибыли оттуда. Эскадрон барона, стоявший в резерве, был распущен. Кавалерийский полк тоже был в состоянии отпуска, солдаты приняли сторону большевиков и в любой момент могли выступить против офицеров. Командир отряда, стоявший еще во главе, был в состоянии ожидания сложения своих полномочий. От барона я узнал, что в Симбирске есть другой эскадрон под командованием молодого лейтенанта, с которым он немного знаком, и предложил мне на следующий день встретиться с ним.

Лейтенанту Арнольду Гертвигу², который жил в Троицкой гостинице, было 24 года. Родом он был из прибалтийских земель, отец его родился в Риге, мать в Берлине. В военных сражениях участвовал с начала войны и был трижды ранен. По причине ранения послан для формирования и сопровождения на фронт эскадрона-подкрепления.

Известие о революции и прорыве фронта застало его в Симбирске, где он был вынужден остаться в ожидании дальнейших событий.

Как большинство русских офицеров прибалтийских кровей, он был очень порядочен. Его уважали и ценили подчиненные, и до последнего момента существования эскадрона он оставался настоящим командиром. Когда мы пришли, он как раз составлял донесение своему полковнику в Сызрань, почта не работала, и донесение отправлялось с посыльным. Лейтенант принял меня очень радушно, и при нас добавил в текст письма информацию обо мне. Написав, что, отправляясь в Сызрань, я заболел в дороге и не смог продолжить путь. И лично поручившись, он спросил разрешения у полковника Павлова зачислить меня в свой эскадрон. Через два дня Гертвиг получил ответ с согласием о моем освобождении от службы и разрешении жить дома. Теперь я мог спокойно жить дома, будучи военнопленным.

Троицкая гостиница

Прежней армии в России больше не было. Большевики распустили большую часть солдат, оставались еще некоторые части благодаря своим командирам. Забота о поддержании войска, лошадей, проблема с питанием и обмундированием легла на их плечи.

Власти из-за проблем с продовольствием вынуждены были прибегать к силе и проводить обыски в деревнях, изымать продукты, в основном хлеб. Для выполнения работы власть, не имея своей армии, обращалась к Гертвигу и другим командирам. Выполняя просьбу властей, отряды использовали ситуацию, чтобы заодно вернуть добро, растащенное крестьянами.

Когда крестьяне стали грабить спиртзаводы, Гертвиг договорился с властями и отправился с отрядом вылить оставшиеся там бочки. После каждого такого поручения, отряд привозил несколько бочек для солдат и другие необходимые вещи.

Чаще всего я у него встречал лейтенанта 13 гусарского полка Ивана Манштета³ – сына бывшего управляющего моих друзей, актера еврея по фамилии Молоков⁴. Был среди них добрый и чрезвычайно одаренный, хорошо говоривший по-русски австрийский военнопленный Кертис⁵.

Однажды вечером, после спектакля в театре, я познакомился с группой большевиков, которые пришли выпить к Гертвигу. Большинство этих «товарищей» были рабочие, кроме двух-трех, вполне приличного, даже интеллигентного вида. Побеседовав с ними какое-то время, я вырвался из их круга и подошел к еще одному члену Совета. Он сидел отдельно и пил пиво. Это был прусский капитан в форме без погон, запрещенных правительством

большевиков как военный атрибут. Он выказал мне радушие, особенно узнав от Гертвига о моих швейцарских корнях. Я старался из всех сил понять его, он не знал ни слова по-русски, а я почти не знал по-немецки. Выпив достаточно много пива, капитан стал извергать ругательства в адрес большевиков, совсем забыв, что я знаю кто он. Для того чтобы вызвать его на откровенность, я стал говорить, что тоже ненавижу русский народ, не люблю Россию, и вынужден здесь жить, потому что родители привезли меня сюда. В ответ он назвал всех русских свиньями, и что они наказаны за войну с Германией. Я забыл его фамилию и больше никогда не встречался с ним. Вероятно, он уехал к себе на родину, правительство большевиков всем военнопленным, особенно немцам, предоставило свободу. Остались те, кто хорошо говорил по-русски, мог быть полезным большевикам в России, как лейтенант Кертис.

[...]

За период с ноября по февраль 1917–1918 годов новые власти Симбирска не проявляли особой активности. За что подвергались высмеиванию и критике в театральных и цирковых представлениях. В городе и в деревнях царил анархия. Число воров и убийц росло, полиции и судов не было, армия распущена. Сообщение с другими городами отвратительное, газеты не приходили. Никто не знает, что творится в мире, слухи самые противоречивые ходят среди населения, живущего в страхе и ненависти друг к другу. Все безо всякой надежды ждут чего-то. Я ходил в форме солдата, что не раз мне помогало.

Во главе губернии был Совет,

состоявший, как я уже упоминал, из голодранцев и безграмотных людей. С каждым днем ощущался недостаток продовольствия. К счастью, мы не испытывали нужды в еде, мне удалось запасти много муки, меда и других продуктов. Также у нас было 4 коровы, поэтому и молоко у нас было. Мои дети были еще маленькими, самому старшему – 7 лет. Замечательная гувернантка учила их русскому и немецкому языкам, а французская мадмуазель давала уроки французского языка, что было очень удачным, так как в Симбирске в это время ни одна школа не работала.

Среди моих друзей в городе был Евгений Знаменский⁶. Я очень хорошо к нему относился и часто бывал у него в гостях. Имея хорошее состояние и будучи холостым, он снимал большую квартиру, где время от времени собирались его друзья. Как-то раз я познакомился там с военнопленными, их было шесть или семь человек. После революции эти бедняги, освобожденные из лагерей, снимали у Знаменского комнаты. Все они были евреи, но за все время, которое они жили под его крышей, не в чем было их упрекнуть. В тот вечер, когда я был у него, он пригласил на ужин всех этих господ, нескольких друзей и даже одного кузена. Почти все молодые люди были офицерами. Австрийцы, офицеры-евреи, всячески старались вызвать к себе дружеское расположение. Я держался особняком, внимательно слушал. В городе было сложно с продовольствием, особенно с вином, поэтому ужин, накрытый хозяином, был простым. Водка была приготовлена самим хозяином и разбавлена водой, но даже это не нарушило радости присутствующим. Когда собрались расходиться по домам, австрийцы обратились к Знаменскому с

просьбой разрешить пригласить всех на следующий день сюда же на ужин. Он разрешил, а мы приняли приглашение. Итак, на следующий день мы вновь собрались, стол напоминал довоенные времена. Угощение было таким щедрым, вина любых сортов, русские и французские, ликеры и шампанское. Вот так могли себя обеспечивать в провинции военнопленные, когда русские могли раздобыть только хлеб. Этот ужин, вина, предложенные господами, стоили так дорого, значит, у них были деньги. Чтобы в России в это время иметь деньги, нужно было их получать из-за границы⁷.

[...]

Существующее положение угнетало всех, но ничего не менялось, и большевики постепенно захватывали власть. В то время, однако, они еще не были хозяевами в стране, народ готовился к худшему, мы были в полном неведении происходящего в столицах. Однажды в декабре моя жена вернулась из церкви и рассказала, что священник призвал всех на крестный ход против действий большевиков на запрет церковной службы и гонений на священнослужителей.

Большинство жителей города приняли участие в крестном ходе, в том числе и моя жена. Мы вместе с бывшим городским главой Афанасьевым тоже пошли, чтобы посмотреть, сколько человек примет участие в религиозном шествии. Накануне прошел слух, что большевики сделают все возможное, чтобы помешать, и даже если будет нужно, применят оружие. Поэтому мы тоже взяли револьверы и достаточное количество патронов.

Вскоре мы услышали религиозное пение и увидели появление процессии. Хотя снег шел хлопьями, не было холодно. Мужчины несли тяже-

Д.И. Афанасьев.
Городской голова с 1909 по 1917

лые кресты и большие иконы, у женщин были иконы поменьше. Примерно десять тысяч человек приняли участие в этом шествии, трогательно было слышать церковные песни в исполнении такого множества людей. Для меня так было странно слышать посреди падающего снега песнопения, которые поют только на Пасху. Это было знаком, что можно сотворить, если затронуть душу верующего.

Афанасьев сказал мне:

– Мы можем быть спокойны. Большевики не осмелятся напасть на такую толпу.

В самом деле, процессию, которая длилась почти до вечера, никто не тронул.

*Продолжение читайте
в следующем номере.*

Перевод с французского
Елены Мироновой,

кандидата филологических наук,
доцента кафедры романо-германских
языков УлГПУ.

Примечания **Татьяны Громовой,**
старшего научного сотрудника
Ульяновского областного краеведческого
музея им. И.А. Гончарова

¹ Барон Отто Михайлович фон Розен, в 1909 году – ротмистр, в 1913-м – штабс-ротмистр 5-го Уланского Литовского его Величества Короля Виктора Эммануила III полка, в войну 1914–1917 гг. полковник (Справочная книжка и Адрес-календарь Симбирской губернии на 1914 г.).

² Неустановленное лицо.

³ Иван Петрович Манчтет (Манштет) (1896–1919), сын П.А. Манчтет, земский начальник 4-го земского уч. Сенгилеевского у., (1916–1919), с 1900-го – председатель Карлинского попечительства. Окончил Николаевское кавалерийское училище в 1916 году. Корнет отдельного корпуса пограничной стражи и 12-го гусарского полка. В белых войсках Восточного фронта в Симбирском уланском полку. Поручик. Убит в октябре 1919-го. (Волков С.В. Офицеры арм.кав. М., 2002).

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Знаменский Евгений Федорович (1885 – ?), юрист, сын А.А. Знаменской, рожд. Делярю, основательницы Гончаровской

библиотеки, известной просветительницы и мецената. В 1904-м окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию, в 1910-м – Императорский Казанский университет. С 1916-м – присяжный поверенный в Симбирском окружном суде. После Гражданской войны жил в Иркутске. Подвергался аресту в январе 1933 г., в июле реабилитирован. //Выпускники и ученики Симбирской классической гимназии 1810–1918. (электронный носитель). ГИММЗ «Родина В.И. Ленина».

⁷ В соответствии с требованиями Гаагской конвенции 1907 г. военнопленные, проживающие в России в годы Первой мировой войны, получали денежные переводы от частных фондов Австро-Венгрии и Германии через европейские банки, к примеру Дойче-банк в Германии, имеющие взаимные договоренности с некоторыми российскими банками. Работающие в России в разных хозяйствах военнопленные получали вознаграждение за труд, офицеры – жалование (в зависимости от чина 50–10 руб. в месяц). Это обеспечивало военнопленным сносное существование в условиях разрухи, царившей тогда в России

Обложка фотоальбома «Путеводитель: Волга от истока до Каспия»

От элитарного до массового

Путешествия существовали всегда – широкое распространение останков первых людей (*homo erectus*) свидетельствует в пользу того, что отправлялись за тридевять земель уже на заре человечества. Туризм, как своеобразный вид путешествия, появляется сравнительно поздно, в XIX веке, в Великобритании, стране бывшей в то время законодательницей мод на все новое и самое современное. Хотя ряд историков относят зарождение этого специфического времяпрепровождения

к временам зарождения христианской цивилизации, религиозное паломничество очень трудно соотносить с экскурсионной деятельностью.

Массовый же туризм как феномен культурной жизни появляется во второй половине XIX века, в эпоху развития буржуазного общества. Если цели путешествия можно назвать насущными: бегство от голода, завязывание торговых отношений, исследование и открытие новых земель, то в его сущности лежат совсем другие задачи. И главной из них является удовлетворение индивидуальных потребностей

через получение новых впечатлений от смены мест пребывания. И еще одно важное отличие туризма от путешествия: если опасности и риски – непременная составляющая последнего, то в организованном досуге они минимизируются и всяческими способами устраняются.

Первоначально туризм был занятием элитарным, характерным для узкой прослойки состоятельного общества (см., напр., «Письма русского путешественника» Николая Карамзина), но к концу девятнадцатого столетия возможности отправиться в кругосветное плавание или покорить высокую гору появляются у большего количества людей. Номадический образ вечного странника, которым Чарльз Миллс характеризует современного ему человека второй половины XX века, начинает приобретать черты именно тогда, на столет раньше. Идеино они проступают уже в призыве Шарля Бодлера «прославить бродяжничество». Естественно, он говорит о страсти к перемене мест.

Возрождение кочевого модуса вивенди (не по принуждению объективных обстоятельств, а для удовлетворения желаний) связано с изменением материального положения отдельных слоев российского общества. Как отмечает петербургский историк туризма Сергей Кулик, «эпоха путешествий в нашей стране возникает на волне великих реформ Александра II». Компенсация помещикам за переданную землю крестьянам способствует тому, что большая часть дворян снимается с насиженных родовых гнезд и отправляется посмотреть Европу. Чуть позже число туристов пополняют другие акторы пореформенного периода: предприниматели, инженеры, учителя, служащие промышленных и торговых предприятий.

Волга вместо железной дороги

Широкому развитию экскурсионной деятельности в Российской империи способствовало создание в 1863 году Общества любителей естествознания. Его организации работали в обеих столицах, Екатеринбурге, Тифлисе, рядом с Симбирском, в Казани. На экскурсионную активность влияет открытие исторических, культурных и природоведческих памятников, ансамблей, музеев, выставок. Одновременно с этим происходит объединение представителей интеллигенции, которая в первую очередь значителен среди зачинателей нового образа жизни, в специ-

Епархиальный дом (фотография М.П. Дмитриева из фотоальбома «Путеводитель: Волга от истока до Каспия»)

Кадетский корпус (фотография М.П. Дмитриева из фотоальбома «Путеводитель: Волга от истока до Каспия»)

ализированные организации. В 1895 году создается Российское общество туристов (Российский туринг-клуб), в 1901 году – Русское горное общество. Оба общества были ведущими туристскими организациями вплоть до революции.

Строительство железных дорог Сергей Кулик называет еще одним важнейшим фактором развития выездного и внутреннего туризма. В 1869

году для удобства путешественников в Петербурге издается «Путеводитель по России и за границей», дающий подробную характеристику всех видов связи тогдашнего времени – железные дороги, пароходы, дилижансы, почтовые лошади и телеграф.

Путеводители, как новый жанр, являются проявлением того, что литературовед Сергей Фокин называл «словарным стилем мышления» и в

Казанская (Никольская) церковь (фотография М.П. Дмитриева из фотоальбома «Путеводитель: Волга от истока до Каспия»)

целом ориентированности эпохи на практику. Распространение лексикографических попыток классифицирования и упорядочивания знания о мире настолько широко и настолько соответствует буржуазному духу времени, что вызывает многочисленные пародии («Лексикон прописных истин» Гюстава Флобера).

В туристическое путешествие нужно отправляться со знаниями, которые помогут избежать неприятностей на дороге и позволят не пропустить ни одного нужного впечатления от посещения достопримечательностей. Эту цель и выполняют путеводители.

Главный путь, пролежавший в дореволюционный период по Симбирской губернии, связан был отнюдь не с железнодорожным транспортом. Им служила Волга. В этом качестве она рассматривается в трех самых известных путеводителях того времени, где встречаются упоминания о Симбирске. Неудивительно, что и путь пролегает от истоков реки до ее впадения в Каспийское море.

Карамзин в неглиже

«Волга от Твери до Астрахани» Николая Боголюбова – путеводитель, изданный в 1862 году, отличается особой дотошностью в описании губернского города. Он начинается с подробной истории Симбирска со времен основания Богданом Хитрово в 1648 году.

О топографическом положении города говорится следующее: «С юго-восточной стороны он окружен Волгой и речкой Воложкой и озерами, остающимися в большом количестве после спада весенних вод. С северо-запада его обтекает река Свияга с прилегающими к ней незначительными болотистыми озерами». С появлением Куйбышевского водохранилища гидрологические ресурсы города явно изменились.

Центральная улица Симбирска названа Большой; «по середине ее проложен бульвар, обсаженный деревьями, которые, однако, плохо принимаются». Названы и другие улицы: Московская, Лисиная, Чебоксарская, Польская (Панская), Дворцовая с сухим мостом через Маришкин овраг (именно так).

Следующим пунктом идут городские достопримечательности, и начинаются они с двух соборных храмов (св. Николай Чудотворца и св. Живоначальной Троицы), церкви

Памятник Н.М. Карамзину (фотография М.П. Дмитриева из фотоальбома «Путеводитель: Волга от истока до Каспия»). Тот самый барельеф с обнажённым по пояс историографом

св. Николая Чудотворца и Спасского девичьего монастыря. И только дальше описываются светские достопримечательности. Первым, разумеется, идет памятник Карамзину, по поводу которого автор изрядно морализирует: «Памятник, по мысли и исполнению прекрасен, но нельзя не пожалеть, что на обоих барельефах, Карамзин изображен нагим по пояс!». А вот дальше достопримечательности нетипичные: останки древнего вала Симбирской засечной черты за городом и Петропавловский шоссе-спуск к Волге (нынешний спуск Степана Разина).

Пореформенная эпоха с ее значительным развитием товарно-денежных отношений накладывает отпечаток и на путеводитель. Не одна страница отведена в нем подробному перечислению цен на ярмарках и в магазинах – составлен он, явно, не для простых фланеров, а для Штольцев, людей дела. Практическая составляющая, выражающаяся в таких прейскурантах на товары и услуги, останется и в последующих путеводителях.

В целом город удостаивается не самой лестной характеристики у Николая Боголюбова: «Постройки большей частью деревянные, даже и на главных улицах, либо некрашенные вовсе, либо стоят под полинялой кра-

ской. [...] С берегу Симбирск вовсе не виден; подходя к нему с Волги, нельзя предположить, что подходишь к многолюдному городу, потому что подгорная его часть с ее бедными и разбро- санными в беспорядке домами, более походит на деревню, чем на городское предместье».

Столичный снобизм

В самом поэтическом путеводителе «Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия» Василия Сидорова, изданном в 1894 году, Симбирску тоже далековато до туристической Мекки. Нарратив строится на контрасте между славным и насыщенным прошлым и скучным настоящим провинциального городка, оставшегося вдалеке от железнодорожных магистралей, прокладывавших прогресс: «Это старое дворянское гнездо, со славой и весельем в прошлом, с преданиями жизни прежних помещиков и важных бар, центр в былые дни провинциального блеска, всего модного и изящного, старый барин среди волжских городов, обедневший, заснувший и полузабытый нынче, когда вся аристократия его испарилась. Скучно и вяло глядит, прежде веселый, город, эта родина Гончарова, Карамзина и Языкова, эта столица дворянства и особых симбирских татар».

В путеводителе проскальзывает эдакий снобизм столичного жителя. Центральная улица, названная в путевых заметках Широкой, хоть и окреще-

на Невским проспектом, но «такая же скучная, как и остальные улицы города». Хорошо хоть вид с Венца петербургскому гостю кажется живописным – Боголюбова и он не устраивал.

Телеграфно перечислены Сидоровым практические сведения для туриста. Достопримечательности: Николаевский собор. Троицкий собор. Памятник Карамзину. Бульвар. Вознесенский собор. Развлечения: Городской театр. Летний театр (оперетка). Дворянское собрание. Военное и Соединенное собрания. Ловля рыбы на Свяге. Не забыты Карамзинская библиотека и Соборная ярмарка на первой неделе Великого поста. Из цен – плата извозчикам и билеты на пароходы.

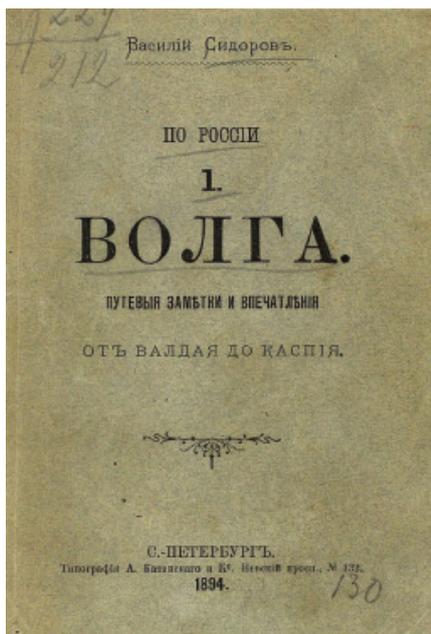
«Путеводитель: Волга от истока до Каспия» 1903 года (с фотографиями Максима Дмитриева) можно обозначить как наименее информативный и скупой по содержанию. Из него можно узнать, во-первых, что в Симбирске 43 тысячи жителей, а сам город живет хлебной торговлей.

«Физиономия города производила бы, благодаря обилию зелени, крайне благоприятное впечатление на туриста, но пыльные, не отличающиеся чистотой улицы и базары сильно портят впечатление», – выносит вердикт путеводитель Симбирску. Этим он мало отличается от своих предшественников.

Несмотря на сжатый объем, перечень сведений также мало разнится с другими двумя путеводителями. Историческая справка с упоминанием пожара 1864 года, случившегося через два года после выхода книги Боголюбова. Перечень центральных улиц: Саратовская (у «Невского проспекта» привычное название), Московская, Покровская, Верхняя набережная. Обязательное упоминание памятника Карамзину и Киндяковки, «с которой Гончаров писал свой «Обрыв». И упоминание о руинах древнего Симбирского городища близ села Кайбелы, ныне скрытого в волжских водах.

Несомненно, путешествие – это серьезная наука. Туризм ее упрощает и делает доступной для всех. Здесь уж не отправишься в путь без руля и без ветрил. Надежным помощником и сопроводителем для добропорядочных путешественников становится путеводитель. На его страницах не обходится и Симбирск. Правда, заывают в город их составители, увы, неохотно.

Данила Ноздряков

Титульный лист путеводителя Василия Сидорова «Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия»

Дубы Дениса Давыдова

В 1823–1830-х годах деревня Мышецкое являлась имением Дениса Васильевича Давыдова. В настоящее время она относится к Луневскому сельскому поселению Солнечногорского района Московской области. В ней сохранились часть приусадебного парка и дубы, посаженные либо самим героем войны 1812 года, либо его друзьями.

Мемориальные деревья – живая весточка из прошлого была воспринята фотографом Леонидом Лазаревым и получила оригинальное воплощение в его искусстве. Он задался увековечиванием памяти поэта и партизана путем создания целой галереи визуальных образов природно-культурно-исторического ландшафта, в центре которого находится деревня Мышецкое. Фотохудожник акцентирует художественное содержание изображений, рожденных в синтезе собственного восприятия жизни, литературного творчества Дениса Давыдова и поэтических особенностей подмосковной природы, окружающей Мышецкое.

Первые снимки появляются в конце 50-х годов прошлого века как в черно-белом, так и в цветном вариан-

те. Позднее он в течение многих лет целенаправленно снимает эти места в разные времена года и в любую погоду. Фотомастер создает более двух тысяч визуальных снимков, где нераздельно связаны прошлое и настоящее, традиция и современность, память и предчувствие будущего, жизнь людей и природы, чувства и мысли, величие и трагедия, индивидуальное и коллективное. Фотографические художественные образы питаются интересом к личности Д.В. Давыдова, выражают самоидентификацию автора и формируют коллективную идентичность.

Часть работ выполнена в традиционной квадратной или прямоугольной композиции, но довольно много изображений имеет круглое композиционное решение.

Съемка объективом циркуляционного фиша дает круглое изображение,

приближенное к видению человеческого глаза, создает эффект присутствия. Некоторые работы хорошо известны, но большая их часть нигде не выставлялась и не публиковалась. Поэтому данную публикацию можно считать эксклюзивным знакомством с уникальными снимками. Путешествие по местам легендарного гусара проходит по разным тематическим направлениям. Их выделение служит основанием группировки фотоизображений в тематические триптихи.

Первый триптих озаглавлен строкой из стихотворения Д.В. Давыдова «Листок» – «...дуб родимый, дуб могучий». Здесь происходит знакомство со старыми дубами, посаженными во времена войны с Наполеоном. Центральное изображение триптиха иллюстрирует современный масштаб деревьев.

Триптих «...дуб родимый, дуб могучий»

Традиция сажать деревья идет из глубины веков. У многих европейских народов существовал обычай встречать наступление весны и больших праздников посадкой деревьев. В XIX веке эта традиция получила распространение с новым содержанием под влиянием Великой французской революции. Деревья свободы – моло-

дые дубки – в 1790 году посадили якобинцы. Всплеск национального самосознания и зарождение общественного движения сделали актуальной эту традицию в России начала XIX века.

Мышецкое в годы Великой Отечественной войны на несколько дней попало в зону немецкой оккупации. Захватчики разграбили деревню,

порезали скот, сожгли дома, а дубы уцелели. По сей день стоят они, «не сломленные вихрем и грозой», правда, уже без мемориальной таблички и забором предприимчивого человека, построившего дом и огородившего участок с дубами.

На следующем триптихе можно увидеть церковь в деревне Мышецкое.

Триптих «Церковь в деревне Мышецкое»

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, как утверждают местные жители, восстановлена на том месте, где находилась во времена Д.В. Давыдова. Небольшая кирпичная одноглавая церковь была выстроена на средства князя Е.Ф. Мышецкого еще в XVII в. В 30-е годы XX века ее закрыли и перед войной разобрали на кирпичи. В 2003 году завершилась постройка на народные средства новой духовной обители. Инициатор возрождения храма – художник Валентин Васильевич Саратов (1932–2006), член Союза художников, житель Мышецкого. Леонид Николаевич был знаком с ним. Когда автор фотоизображений впервые уловил тихий по громкости, но необычайно мощный по эмоциональному воздействию перезвон колоколов возрожденной церкви, ему показалось, что жизнь вернулась в русло, по которому она текла в давыдовские времена. Звон колоколов храма умножил стремление создать серию зрительных образов окрестностей Мышецкого. Содержание мелодии перезвона колоколов легло благодатным цветом на реалистический образ православного храма. Тайнство фотоискусства здесь и сейчас

перекликается с таинством творчества поэта, произошедшего когда-то под воздействием колокольной мелодии. Только фотограф совершал магические действия со светом и линзой, стихотворец – со словами и рифмой. Возможно, звон колоколов церкви в Мышецком побудил написать вариацию на тему стихотворения Ивана Козлова «Вечерний звон». В 1830 году из-под пера поэта-героя вышли строки:

...Как он мучителен и мил!
Как он мне чувства возмутил,
Когда впервые звук его
Коснулся слуха моего!..
То был не звук, но глас страстей,
То говор был с душой моей!
Вечерний звон, вечерний звон, –
Как много дум наводит он!..

Следующий триптих «Ретро» начинается знакомство с окрестностями Мышецкого. Он состоит из черно-белых фотографий 1958 года. Смотришь на них и понимаешь, как может оставаться время. Картина жизни на фотографиях 1958 года практически не отличалась от культурно-природного ландшафта второй четверти позапрошлого века, когда по этим местам гулял отставной генерал-лейтенант.

Триптих «Ретро»

Сейчас природно-культурный пейзаж выглядит уже совсем по-другому. На месте пашни выстроен жилой комплекс «Мечта» на 27 тысяч жителей, по асфальтированной дороге движется нескончаемый поток автомобилей. Теперь за интенсивным движением времени трудно поспеть, ушла возможность переживать и осмысливать быстро меняющиеся события. Ностальгия по ушедшей в прошлое неспешной жизни одновременно бередит и успокаивает душу.

Живым свидетелем пребывания Дениса Давыдова в Мышецком является природа. Дворянский дом подмосковного имения имел ориентацию

на озеро Круглое – необычное реликтовое и загадочное озеро ледникового происхождения. На его берегах люди жили со времен неолита. Воде озера приписываются целебные свойства. Якобы именно этой водой вылечил глазную болезнь царь Петр I. Круглая форма озера воспринимается как символ единства и бесконечности, вечности и совершенства бытия. Именно она навела круглую композицию изображений. Озеро Круглое поражает своей ослепительной красотой в зимнее время года, и с этим трудно не согласиться, обратившись к кадрам на триптихе «Озеро Круглое. Зима».

Из триптиха «Озеро Круглое. Зима»

Значительная доля зимних пейзажей не случайна. С именем Давыдова в нашем сознании ассоциируются беспощадные военные схватки с врагом под Москвой. Борьба с захватчиками на подступах к столице и в 1812-м, и в 1941 годах, как известно, разворачивалась в зимнее время.

В окрестностях Мышецкого и озера Круглое в мирное время герой-партизан чувствовал себя вполне комфортно, отдыхал и охотился, как когда-то охотился Петр I. В этих местах принято рассказывать о том, что государь заблудился на охоте. Прочитав молитву или услышав звон колоколов храма Николая на озере

(село Озерцкое Дмитровского района Московской области), он вышел из плена дремучего леса. Петр I приказал заменить деревянное строение церкви каменным. Фотоизображения этого храма и других, имеющих не только культовое значение, но и являющихся архитектурными и историко-культурными памятниками, не остались не замеченными Л.Н. Лазаревым.

Триптих «Глушь» и особенно завершающая его работа перекликаются с картиной В.В. Верещагина «Не змай – дай подойти», изображающей крестьянскую партизанскую засаду в глухом заснеженном лесу.

Из триптиха «Глушь»

В Мышецком Денис Васильевич Давыдов сочинил стихотворение «Партизан» и позволил себе предаться воспоминаниям на страницах мемуаров «Военные записки», «Дневник партизанских действий 1812 года». В 1830 году наш герой, будучи в отставке, но восприни-

мающий себя «рожденным для службы царской», снова пригодился. По собственной инициативе он участвовал в важном государственном деле. Во время эпидемии холеры организовал карантинный участок в деревне Черная Грязь недалеко от Мышецкого.

Великая Отечественная война

оставила скорбные отметины на подмосковной земле. Она продемонстрировала жизнеспособность героической традиции борьбы с завоевателями. На территории Солнечногородского района, где находится Мышецкое, и прилегающего к нему Дмитровского района находятся 83 братские могилы.

Триптих «Братские могилы и памятники»

Триптих «Братские могилы и памятники» открывается фотографией братской могилы в деревне Мышецкое.

В ней захоронены 47 погибших. Их имена высечены на памятнике. На стеле монумента – барельеф скорбящей женщины, а над ней надпись: «Ваш подвиг переживет века».

На центральной фотографии

триптиха – братская могила в деревне Владычино (Солнечногорский район), в которой покоится прах 262 воинов, причем 166 из них безымянные. На усыпальнице установлена семиметровая стела. Мемориал-памятник «Скорбящая мать» погибшим землякам в поселке совхоза Останкино (Дмитровский район) видим на последней фотографии триптиха.

Триптих «Памятники и свидетели эпохи» включает изображение памятника вблизи деревни Поярково (Солнечногорский район), портрет Евдокии Тимофеевны Ивашенковой на фоне памятного знака «Зенитное орудие» в городском округе Лобня Московской области и снимок недостроенного санатория для военных летчиков.

Триптих «Памятники и свидетели эпохи»

На памятнике из красного гранита у деревни Поярково значится, что на этом рубеже 27 ноября 1941 года остановлены и уничтожены прорвавшиеся танки фашистских захватчиков подразделениями 282-го СП 18-й ополченческой дивизии Москвы, командир полка майор И.К. Щербинин. И в 1941 году, и в 1812-м народные ополченцы, в основном люди, далекие от военной профессии, были готовы принести себя в жертву, отстаивая родную землю.

Фотохудожник в изображении представил наступление черных сил – захватчиков, несущих разрушение и смерть. Так и кажется, что из-за темной завесы на поле выползут десятки немецких танков и пойдут в наступление против ополченцев, которым, может быть, впервые придется вступить в неравный бой с врагом. В кадре ярко выражен психологический момент. Зритель, находясь в современной ситуации, ощущает трагизм минувшей войны. Одновременно темная завеса – символ внешней опасности, угрожающей нашему народу в настоящем и призыв равняться на солдат, защитивших Родину.

В 1941 году линия советской обороны в битве под Москвой подошла к подмосковной Лобне. Дом простой русской женщины-крестьянки, на тот момент матери троих детей, оказался на фронтовом рубеже. Несколько дней

13-м батарее 864-го зенитного артполка отбивала атаки немецких танков. Горели подбитые машины, но натиск врага продолжался. Наступил решающий момент боя. 3 декабря 1941 года оставался только один действующий расчет, на позиции которого враг направил 23 танка с батальоном автоматчиков...

На призыв сержанта Гайка Шадунца подать снаряды никто из солдат не отозвался, все были убиты. Женщина, не дававшая военной присяги, оставляет детей и вступает в смертельную схватку с врагом. Она встала на место погибших артиллеристов. Враг был остановлен. Е.Т. Ивашенкова выжила, встретила с войны мужа, родила еще двоих сыновей. На месте боя в городе Лобня установлено зенитное орудие.

В 60-е годы прошлого века фотожурналист Леонид Лазарев познакомился с Е.Т. Ивашенковой. С его подачи в журнале «Кругозор», сотрудником которого он являлся, появился материал о подвиге женщины с фотографиями Леонида Николаевича. Лобнинской героине, совершившей двойной материнский и гражданский подвиг, не воздали должной почести при жизни. Сейчас мало кто знает и помнит ее имя.

Согласно Л.Н. Лазареву, после войны необычайно живописная и благоприятная для здоровья людей

Триптих «Жанр. Ретро»

местность у озера Круглое приглянулась Василию Сталину. Его усилиями началось возведение санатория для военных летчиков-асов. Однако после смерти Иосифа Сталина стройку забросили. Недостроенные сооружения

для фотохудожника стали своеобразным памятником величественной и трагичной сталинской эпохе с невероятными метаморфозами человеческих судеб, включая личную драму сына вождя. Обзор фотоизображений,

связанных с Мышецким, соединяет людей и события разных времен. В Мышецком и на берегах озера Круглое люди продолжают работать, отдыхать, ловить рыбу, и об этом повествует триптих «Жанр. Ретро».

Фрагменты из триптихов «Степной пейзаж» и «Поля»

Фотоизображения «За ягодой» (1961), «Мошкара» (1963), «Один из дней детства» (1958) из триптиха «Жанр. Ретро» несут успокоение человеческой души в мерном естественном течении жизни, настраивают на лирический лад, и тогда вспоминаются слова Д.В. Давыдова из стихотворения «Вечер»:

«Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали.
Зарницы бегали за синюю горой
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали».

Знатоки биографии Д.В. Давыдова, ссылаясь на его «Гусарскую исповедь», отмечают, что ему было тесно и душно, не хватало буйного свежего ветра, ощущения воли, про-

стора и распашки в салонной и благопристойной Москве. Он уезжает из Москвы и последние 10 лет жизни до 22 апреля (4 мая) 1839 года проводит в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне Радищевский район Ульяновской области). Здесь его взору открывались совсем другие пейзажи, нежели в Подмоскovie. Пейзаж степной, буйный свежий ветер, простор и ощущение воли.

Для завершения своей работы по увековечиванию героя «грозы двенадцатого года» московский фотограф в октябре 2014 года направляется в Радищевский район Ульяновской области. Постичь душу и литературное творчество Давыдова без видов степей и полей невозможно. В этом убежден известный фотограф, пришедший в восторг от природных просторов края.

Местная учительница провела экскурсию по Верхней Мазе. Показала, где располагалась несохранившаяся усадьба Давыдова. Деревьев от той поры тоже нет. Удалось сфотографировать обгоревший ствол древней ветлы, некогда украшавшей территорию богатого поместья.

У Л.Н. Лазарева есть идея проведения акции – закладки в районе Мышецкого дубовой аллеи по направлению к озеру Круглое. Сажены дубов нужно вырастить из желудей мемориальных дубов. Посаженная заслуженными людьми аллея с именными дубами будет символизировать надежность коллективной памяти и преемственность традиций ратного подвига во имя независимости Родины. Мышецкое и Верхняя Маза связаны именем и творчеством Дениса Васильевича Давыдова, поэтому логично передать эстафету Верней Мазе.

Ириха Зубова,
Доцент УлГУ

Фотографии Леонида Лазарева

Л.Н. Лазарев на съемках в Верхней Мазе

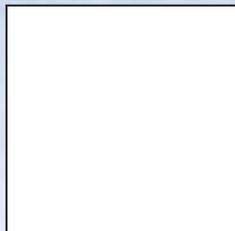

Анатомия Симбирска-Ульяновска

Отдых по-симбирски

Излюбленным местом отдыха и прогулок у симбирян был Венец. На Венце играл духовой оркестр, продавали минеральные воды и сладости. Кроме Венца популярностью пользовался другой старейший парк города – Владимирский сад. Сейчас в городе довольно много парков. Самый большой – Винновская роща, а самый маленький – парк им. А. Матросова.

Парк «Винновская роща» – 190 га

Парк им А. Матросова – 2,5 га

«...да ведь Свяга-то для меня еще более дорога, чем Волга! Тут-то мы и купались, и буквально толклись все время на лодке. Мы, гимназисты, все время проводили именно не на Волге, а на Свяге... Точно она для гимназистов сделана. Тут превосходные были места для купанья. Но главное – катанье на лодке, тихое, поэтическое, которому ничто не мешает (то есть шумные и опасные пароходы)... она вся была для удовольствия...»
В. Розанов «Русский Нил»
Волжский и Свяжский пляжи – любимые места летнего отдыха горожан. А также заволжский пляж у парка им. 40-летия ВЛКСМ, котлован у поселка Борьба, Черное озеро и некоторые другие водоемы.

И, конечно, кинотеатры. Кинотеатры у нас появились в начале XX века. Самые первые – «Патэ», «Модерн», «Амфир», «Экспресс», «Калейдоскоп» и «Аполло». Здания, где располагались эти первые кинотеатры, живы и по сей день, но как кинотеатр из них функционирует только один – «Художественный» (бывший «Амфир»). В 1964 г. был построен двухзальный широкоэкранный кинотеатр «Рассвет». Для того времени вершина технического и архитектурного совершенства.

«...У нас, к сожалению, страсть к путешествиям очень слабо развита...»
В. Сидоров «Волга», 1894
40% горожан предпочитают отдыхать по-обломовски, дома на диване.

Инфографика Д.Рузина

«Сколько у них жизни кроется под этой апатией...»

И.А. Гончаров
о японцах

В 2016 году, во время посещения президентом России Владимиром Путиным Токио, прошла встреча министров культуры Японии и России. Владимир Мединский выступил тогда с инициативой провести в 2018 году ряд мероприятий по культурному обмену между странами. Инициативу поддержал министр культуры и образования Японии Хирокадзу Мацуно. Правительствами двух стран 2018 год объявлен перекрестным Годом России в Японии и Японии в России.

История взаимоотношений России и Японии уходит в далекое прошлое. Участником одного из важных этапов в становлении русско-японских отношений был Иван Александрович Гончаров. В 1852–1854 годах он отправился в путешествие к берегам Японии на фрегате «Паллада» в составе дипломатической миссии Е.В. Путятин. Гончаров был в числе немногих россиян, впервые ступивших на Японскую землю. Впечатления об удивительной стране писатель передал в книге очерков путешествия «Фрегат “Паллада”». Объемные главы, посвященные Японии, стали кульминацией книги Гончарова о путешествии и восторженно приняты критикой. Вслед за журнальной публи-

Е.В. Путятин. С картины японского художника. Середина XIX века

И.А. Гончаров среди офицеров фрегата «Паллада». 1852

кацией они вышли отдельной книгой («Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». Спб. 1855 г.).

Для Гончарова решение отправиться в дальнее морское плавание не было неожиданным, «страстишка к морю», по словам писателя, жила в его душе давно. «Я все мечтал – и давно мечтал об этом вояже, может быть, с той минуты, когда учитель сказал мне, что если ехать из какой-нибудь точки безостановочно, то воротиться к ней с другой стороны, мне захотелось поехать с правого берега Волги, на котором я родился, и воротиться с левого; хотелось самому туда, где учитель указывает пальцем быть экватору, полюсам, тропикам...» – признавался он в очерке «На родине».

В 1852 году от поэта Аполлона Майкова Гончаров узнал, что один из русских военных кораблей идет в плавание на два года к берегам Японии с дипломатической экспедицией. Майкову предлагали ехать в качестве секретаря возглавлявшего эту миссию генерал-адъютанта Е.В. Путятина, поскольку нужен был человек, который бы «хорошо писал по-русски, литератор». Но Майков отказался и порекомендовал Гончарова.

Писатель ухватился за возможность совершить морское путешествие. В книге «Фрегат “Паллада”» он признался: «Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями [...] И вдруг неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминания [...] Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю на острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса – и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений. Я обновился, все мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мне».

Путятин высоко ценил своего секретаря и в письме к министру просвещения А.С. Норову из Нагасаки отмечал: «Многим я обязан Вам за рекомендацию и содействие в назначении г. Гончарова в состав нашей экспедиции. Он чрезвычайно полезен мне как для теперешних наших отношений с японцами, так и для описания всех происшествий, которые со временем должны сделаться известными публике. Имея дарование живо представить предметы, Гончаров в состоянии будет придать им занимательный и яркий колорит». Дипломатическую службу

И.А. Гончарова также высоко оценило правительство, наградив «вне правил чином Статского Советника за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине».

В книге очерков путешествия «Фрегат “Паллада”» Иван Александрович называет Японию «тридцатое государство», «запертой ларец с потерянным ключом». Действительно, столетия Япония была страной загадочной и малоизвестной, белым пятном на карте.

В Европе о Японии узнали в XIII веке из дневника путешественника Марко Поло, который описал страну по слухам как остров, полный несметных богатств. В 1542 году в Японию попадает первый европеец – потерпевший кораблекрушение португалец. Вслед за ним появляются португальские и испанские купцы и монахи-иезуиты, стремившиеся насадить здесь католицизм. С начала XVII века страна, политически объединенная под властью сегунов (военных правителей), в полной мере сохранившая феодальный строй, отгораживается от Европы, вступившей на путь первоначального накопления и искавшей колонии. Издаются законы, по которым японцам запре-

щается покидать страну под страхом смертной казни, а иностранцам приближаться к берегам Японии, закон на запрет ввоза книг из Европы. В 1630-е годы из Японии изгнаны испанцы, а затем португальцы. Исключение было только для голландских, отчасти китайских купцов, которым разрешалось торговать в весьма ограниченных размерах в одном месте – на искусственном острове Десима в Нагасакском заливе.

Русские узнали о существовании Японии примерно в середине XVII века, во время исследования Сибири, плавания по Амуру в поисках выхода к берегам Тихого океана, тогда же были открыты Курилы и Сахалин. Разведав в течение XVIII века Курильские острова и дойдя до о. Хоккайдо и даже до о. Хонсю, в целях налаживания межгосударственных отношений русские направили две официальные дипломатические миссии на Японские острова (1792–1793 годы – миссия А. Лаксмана, 1804–1805 годы – миссия Н.П. Резанова), которые не имели успеха. Япония сохранила «феодалную закрытость».

Решение о третьей миссии 1852–1855 годов, возглавить которую было поручено вице-адмиралу генерал-адъютанту Евфимию Васильевичу Путятину, Российское правительство приняло в условиях обострившейся международной обстановки на Дальнем Востоке, когда стало известно, что Америка направляет в Японию военную эскадру под командованием коммодора М.К. Перри. В случае успеха американской миссии миссия Путятина должна была в изменившейся обстановке на Дальнем Востоке обеспечить интересы России в этом регионе. Цель похода – попытаться установить торговые и дипломатические отношения с Японией. Согласно инструкции Министерства иностранных дел Путятину предписывалось действовать в самом дружеском тоне, в рамках законов «закрытой» Японии, уважать традиции другого государства. Поэтому первый этап переговоров с японцами проходил в г. Нагасаки – единственном порту, в который могли заходить тогда иностранные суда. Он длился с перерывами с августа 1853 года по апрель 1854-го. В это время заключению договора между двумя странами помешала начавшаяся Крымская война. В 1853 году Турция объявила войну России. Вскоре после этого против России выступили Англия и Франция.

Фрегат «Паллада», находившийся тогда в Тихом океане, оказался перед необходимостью подготовиться к боевым действиям. «А у нас поговаривают, – писал в тот момент Гончаров Майковым в Петербург, – что живьем не отдадутся, – и если нужно, то будут биться, слышь, до последней капли крови». Далее Гончаров отмечал: «надо было думать о защите фрегата и чести русского флага, следовательно, плавание наше, направленное к мирной и определенной цели, изменялось [...] с этим прекратилась и надобность во мне». Он отправился в Петербург «сухим путем» от порта Аян через всю Сибирь. Е.В. Путятин вернулся в Японию в конце 1854 года на фрегате «Диана» и 26 января 1855 года заключил первый в истории договор между Россией и Японией в г. Симода.

В книге «Фрегат “Паллада”» Гончаров выразил первые впечатления от встречи с Японией. Необычность увиденного подчас достигала такого уровня, что картины кажутся ему ирреальными: «Что это такое? декорация или действительность? какая местность!.. все так гармонично, живописно, так непохоже на действительность, что сомневаешься, не нарисован ли весь этот вид, не взят ли целиком из балета?». Описывая церемонию встречи с полномочными японского правительства, автор отмечал: «Мне не верилось, что все это делается наяву. В иную минуту казалось, что я ребенок, что няня рассказала мне чудную сказку о неслыханных людях, а я заснул у ней на руках и вижу все это во сне».

Однако помимо изумления от нового, ранее не известного мира, писатель вдумчиво и трезво размышляет над исторической судьбой страны, использовавшей особое географическое положение для изоляции от всего внешнего мира: «Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде».

Гончаров намерен «отречься от европейской логики и помнить, что это крайний Восток», то есть судить о стране, исходя преимущественно из ее истории, культуры, опираясь на признание за японским народом пра-

ва иметь специфическую психологию и авторитетные традиции: «Вообще нужна большая осторожность в обращении с ними, тем более что изучение приличий составляет у них важную науку, за неимением пока других. Наша вежливость у них – невежливость, и наоборот». Он признает японцев «народом не закоренелым без надежды и упрямым, напротив, логичным, рассуждающим и способным к приятию других убеждений, если найдет их нужными [...]». Это справедливо во всех тех случаях, которые им известны по опыту; там же, напротив, где для них все ново, они медлят, высматривают, выжидают, хитрят. Не правы ли они до некоторой степени? От европейцев добра видели они пока мало, а зла много: оттого и самое отчуждение их логично».

Гончаров не владел ни голландским, ни японским языками и не имел возможности разговаривать с японцами. Более того, он как иностранец не мог свободно передвигаться не только по стране, но и по городу Нагасаки. Все его внимание сосредоточилось на не созерцательном, а напряженном наблюдении за отдельными людьми, которые посещали фрегат. Как секретарь Е.В. Путятина Иван Александрович принимал японских чиновников (в книге он называет их «бониосы») и сопровождающую их каждый раз многочисленную свиту. Описывая визиты, Гончаров создает коллективный портрет японского народа, передает национально-специфические и этнографические приметы, но и свои размышления о судьбе нации, живущей в изоляции и несвободе: «Вообще не видно ни одной мужественной, энергической физиономии, хотя умных и лукавых много». Японцы в массе своей, отмечает автор, «смотрят сонно, вяло, видно, что их ничто не волнует, что нет в этой массе людей постоянной идеи и цели, какая должна быть в мыслящей толпе».

Писатель не останавливается на создании коллективного портрета японцев, он уверен, что путь к подлинному постижению национальной психологии лежит через взгляды в отдельного человека – вдумывание в его общечеловеческую сущность. Гончаров воплощает в книге ряд ярких образов, выхватывая их из общей массы, подчеркивая индивидуальность каждого. Он общался с японцами-переводчиками (в книге они называются «толки»). Японские переводчики владели голландским языком.

На переговорах шел перевод с русского на голландский или на китайский (этот перевод делали представители русской миссии К.Н. Посьет – на голландский, О.А. Гошкевич – на китайский), а затем на японский переводили японцы. Первые индивидуальные портреты писатель создает, описывая переводчиков. Особо полнокровен портрет переводчика Кичибе – японского Обломова. Кичибе был приятным, доброжелательным в общении, хорошо образованным, но в общении с Гончаровым он пожаловался, что устал от напряженных переговоров. «Я люблю ничего не делать [...] лежать на боку!» – признался Кичибе.

Читателям Гончарова несомненно запомнится образ безмятного японца, который входил в свиту и привлек внимание писателя. Молодой японец был «высок ростом, строен и держал себя прямо [...] он стоял на палубе гордо, в красивой, небрежной позе. [...] в глазах, кажется, мелькало сознание о своем японстве и о том, что ему недостает, чего бы он хотел». Наблюдая такие лица, Гончаров отмечает: «Сколько у них жизни кроется под этой апатией, сколько веселости, игривости!». Присутствие личностного начала, неудовлетворенность жизнью и желание изменить ее – главное, что подметил Гончаров в молодых японцах. Именно встреча с ними приводит к признанию, что японцы «народ не закоренелый без надежды и упрямый, напротив, логичный, рассуждающий и способный к приятию других убеждений, если найдут их нужными».

Наиболее содержательно представлены в книге гончаровские портреты полномочных представителей японского правительства. Из столицы Японии прибыли четыре высших сановника. Они вместе с нагасакским губернатором вели переговоры, с русской стороны в переговорах участвовали, помимо Путятина, И.А. Гончаров, И.С. Унковский, К.Н. Посьет, О.А. Гошкевич. Среди уполномоченных Гончаров выделил двоих – Тсутсуи Хизено-ками и Кавадзи-Соиемонно-ками, которые произвели на него особенно благоприятное впечатление. Тсутсуи Хизено-ками (в книге Тсутсуи Хизе-но-ками-сама) был почетным руководителем и самым старшим среди «полномочных». Рассказывая о первой встрече с японскими уполномоченными, Гончаров писал: «[...] старик очаровал нас с первого раза: такие старички есть везде, у всех наций. Морщины лучами окружали глаза

Японские уполномоченные. С рисунка А. Можайского. Первый слева Тсутсуи, второй Кавадзи. 1854

и губы; в глазах, голосе, во всех чертах светилась старческая, умная и приветливая доброта – плод долгой жизни и практической мудрости». Продолжая описывать церемонию торжественного приема, автор отметил, что, когда Тсутсуи Хизено-ками произносил официальное приветствие, оно как-то не шло к нему – «он смотрел так ласково и доброжелательно на нас, как будто хотел сказать что-нибудь другое, искреннее». И чуть позднее на обеде сказал это «другое»: «Мы приехали из-за многих сотен, а вы из-за многих тысяч миль; мы никогда друг друга не видели, были так далеки между собой, а вот теперь познакомились, сидим, беседуем, обедаем вместе. Как это странно и приятно». Это было «общее тогда нам чувство», – отзываясь Гончаров: «И у нас были те же мысли, то же впечатление от странности таких сближений». Человеческое обаяние и мудрость Тсутсуи перекрывают впечатление и от экзотичности его одежды, и от необычности позы, и от всего утомительного церемониала официальных встреч с японцами.

Кавадзи-Соиемонно-ками (в книге Кавадзи Соиемон-но-дзио-сами) фактически возглавлял переговоры. В книге он рисуется личностью незаурядной, Гончаров дает следующее его первое описание: «лет сорока пяти, с большими карими глазами, с умным и бойким лицом». И далее именно ум становится ведущей чертой характеристики Кавадзи: «Он был очень умен, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что ум свой он обнаруживал

искусной диалектикой против нас же самих. Но каждое слово его, взгляд, даже манеры – все обличало здравый ум, остроумие, проницательность и опытность», – признает Гончаров. Описывая поведение Кавадзи, наблюдая выражение его лица, Гончаров задается вопросом: «Ну, чем он не европеец?». И продолжая описывать Кавадзи, писатель делится с читателями принципиальным вообще и особо значимым в этой книге размышлением: «Ум везде одинаков: у умных людей есть одни общие признаки, как и у всех дураков, несмотря на различие наций, одежд, языка, религии, даже взгляда на жизнь». Так прямо высказывается глубинно присущая книге «Фрегат “Паллада”» мысль о единой природе всех людей и исконной общности всех народов. Именно эта мысль позволяет писателю нарисовать Земную Вселенную как единый мир, а людей далекой Японии, прежде всего, как законных и правомочных обитателей этого мира, а уже только потом как жителей страны с особой судьбой и разительной внешней непохожестью на другие страны. Писатель предугадал скорые изменения, произошедшие в Японии. В 1868 году в стране произошел переворот, который изменил политику изоляции.

Антонина Лобкарева,
старший научный сотрудник
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова

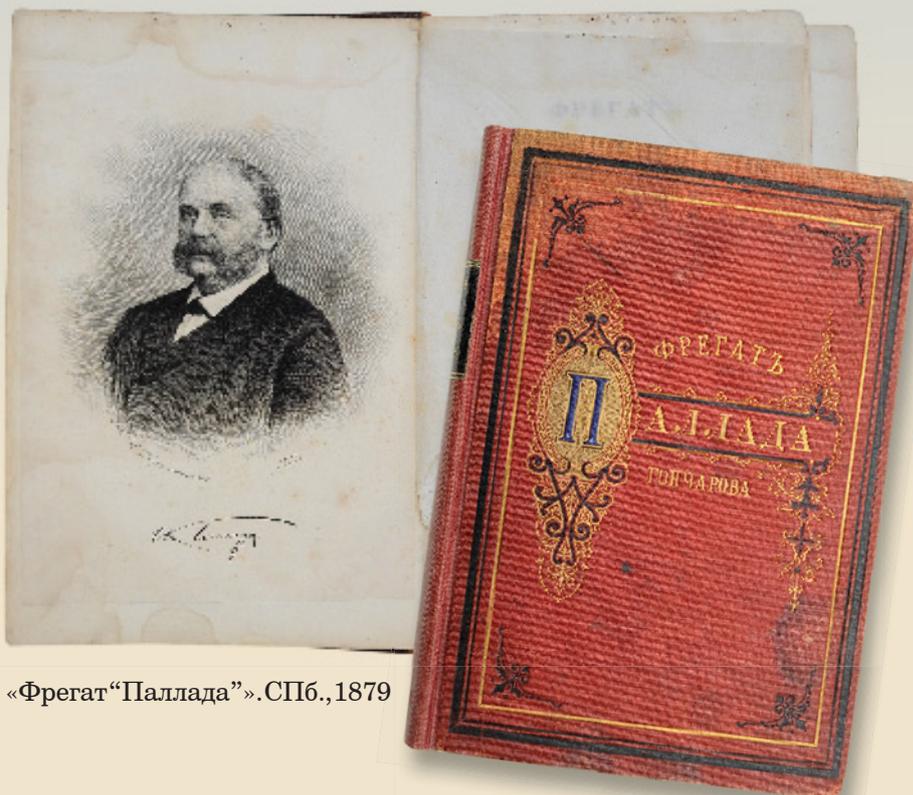

К 160-летию книги

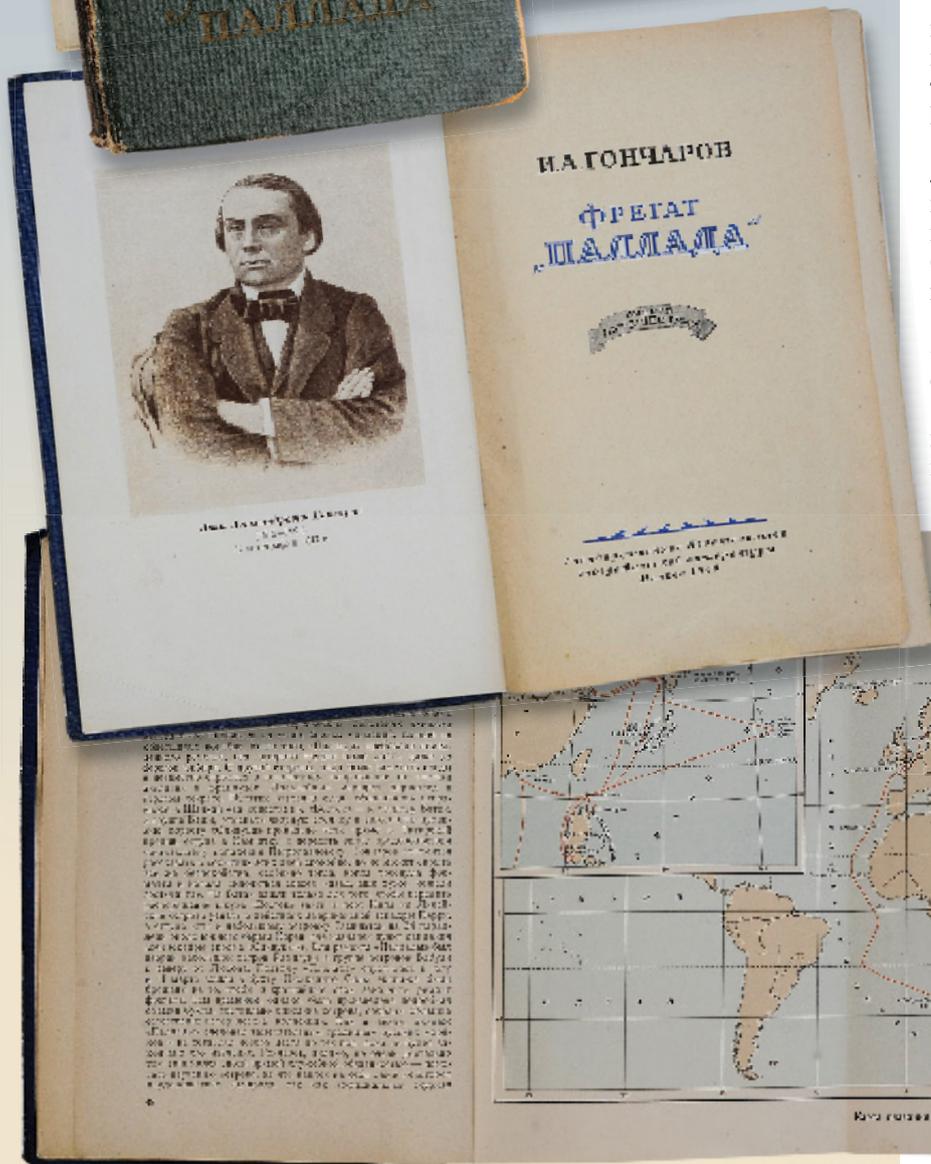
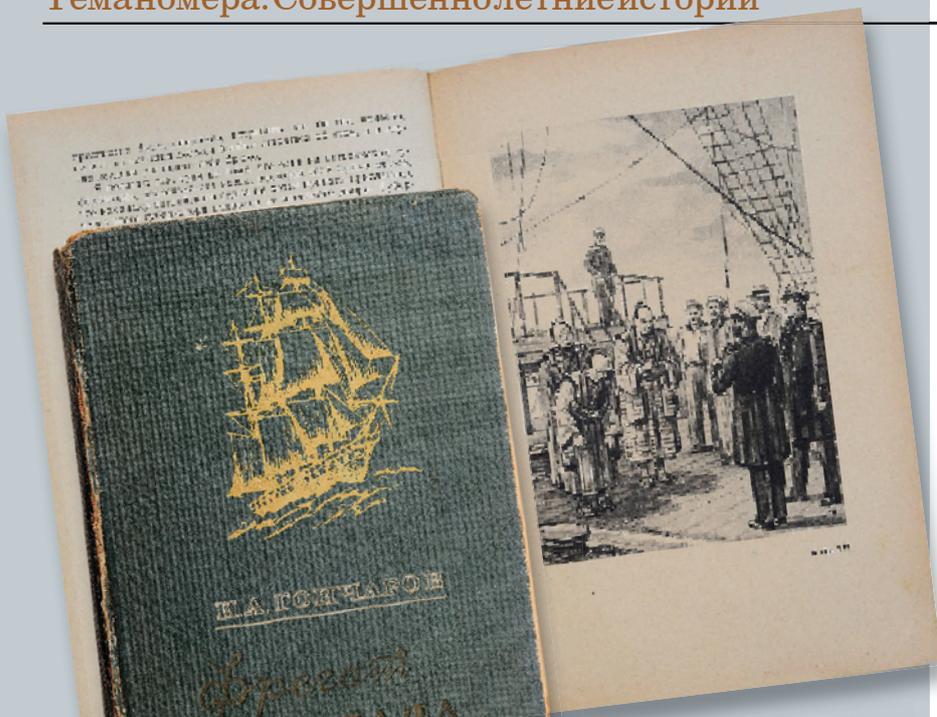
Издания очерков путешествия И.А.Гончарова «Фрегат “Паллада”»

в собрании Ульяновского
областного краеведческого музея

Особое место в творчестве И.А.Гончарова занимает книга очерков путешествия «Фрегат “Паллада”». Органично сочетая в себе красочность изложения и реалистичность содержания, высокую художественность и научность, документальность в описании многогранной картины мира, простоту и искренность, глубину и силу таланта, гуманизм автора и патриотизм, книга по праву входит в золотой фонд мировой литературы путешествий. Она неоднократно переиздавалась, была переведена на многие языки народов мира. Уникальная коллекция изданий очерков составляет особый раздел Гончаровского фонда Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова.

«Фрегат “Паллада”». СПб., 1879

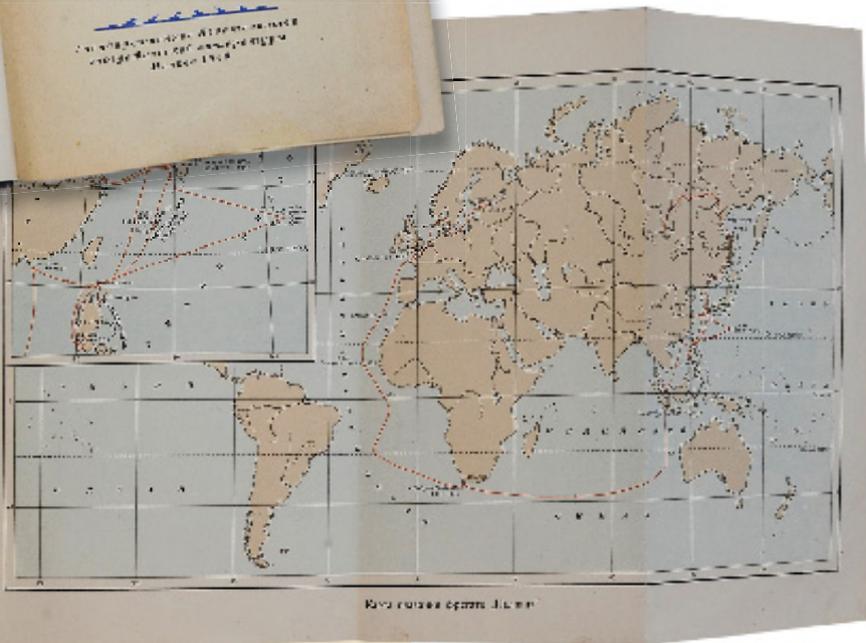

Отправляясь в плавание «по казенной надобности», в должности секретаря главы русской дипломатической миссии к берегам Японии, Гончаров предполагал написать книгу. Отвечая на вопросы недоумевающих друзей и знакомых о том, как он решился пойти на паруснике вокруг света, в качестве одного из «оправданий» Гончаров называл: «...написал бы книгу, которая во всяком случае была бы занимательна, если бы я даже просто, без всяких претензий литературных, записывал только то, что увижу».

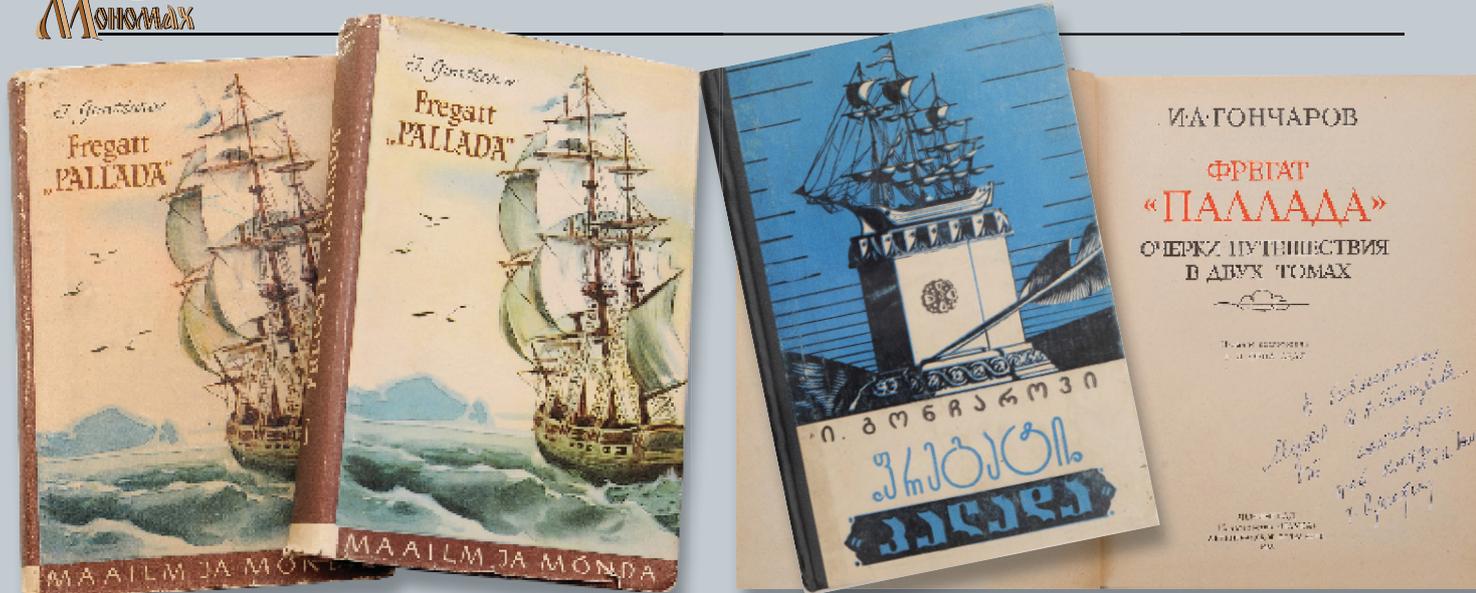
Во время плавания Гончаров подробно записывал увиденное и посылал сначала в качестве писем друзьям в Петербург, позже эти письма послужили литературной и фактической основой для соответствующих очерков. С 1853 года началась работа над очерками в рабочем «журнале», или «памятной книжке», «дневнике» – «толстой тетради» путевых заметок, которую Гончаров привез из путешествия.

Вернувшись в Петербург в феврале 1855 года, уже с апреля в журналах и сборниках Гончаров публикует очерки путешествия. Сначала отдельно и без соблюдения хронологии, а по мере готовности очерка для печати. В мае 1858 года вышло первое издание книги «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия в двух томах».

При жизни Гончарова книга переиздавалась пять раз: трижды отдельным изданием (1862, 1879 и 1886),

«Фрегат “Паллада”». М.: Географгиз, 1949

«Фрегат «Паллада»»
на эстонском языке.
Таллин, 1958

«Фрегат «Паллада»»
на грузинском языке.
Тбилиси, 1972

«Фрегат «Паллада»».
Литературные памятники.
Ленинград, 1986

а также в составе собраний сочинений писателя 1884-го и 1886 годов. В последующие дореволюционные годы книга выдержала еще пять посмертных изданий, отдельное (1895), и в собраниях сочинений (1896, 1899, 1912 и 1916). В фондах Ульяновского краеведческого музея, за исключением отдельного издания 1895 года, представлены все дореволюционные публикации книги.

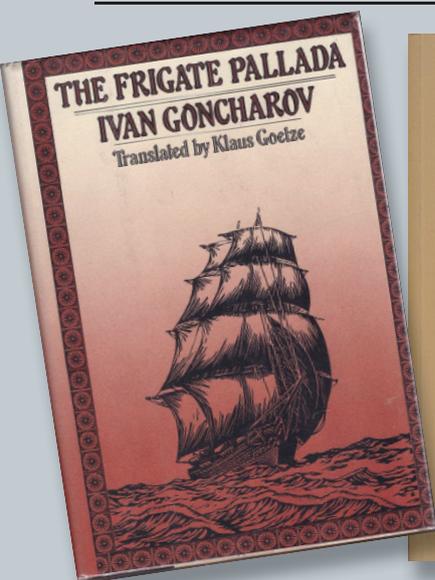
Значительная часть книг коллекции поступила в музей в 70–80-е годы XX века, когда было принято решение о создании Музея Гончарова в Ульяновске и в первые годы его работы. Источники и способы поступлений – это целенаправленная закупка в букинистических магазинах Москвы и Ленинграда, передача книг по запросу из резервно-обменного фонда библиотек, в том числе союзных республик, и пожертвования частных лиц. В последующие годы собрание изданий пополнялось уже во многом благодаря авторитету музея, который стал признанным в мире центром по изучению и популяризации жизни и творчества великого земляка. Многие из последних поступивших изданий были переданы в дар друзьями музея, исследователями творчества Гончарова из разных городов России и зарубежья, поклонниками таланта писателя.

Ценным предметом коллекции является экземпляр «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». Это отдельное издание японских глав очерков Гончарова, вышедшее в

Санкт-Петербурге, в типографии Императорской Академии Наук в 1855 году, то есть это одно из тех первых изданий. Это одно из тех первых изданий очерков, которые публиковались до того, как были собраны в одну книгу. Однако ценность экземпляра заключается прежде всего в том, что это издание мемориальное. На титульном листе книги сохранился выцветший автограф Гончарова: «Петру Авксентьевичу и Анне Александровне Музалевским от брата». Автограф указывает на то, что сам Гончаров послал эти очерки в подарок младшей сестре Анне и ее мужу. О том, что писатель посылал родным в Симбирск публикации очерков, свидетельствует сохранившееся его письмо к сестре Александре Александровне Кирмаловой от 20 апреля 1856 года: «С Анненковым (Павлом Васильевичем. – Прим. авт.) я послал к сестре Анне Александровне еще по две брошюры своих путевых заметок, напечатанных в феврале и марте в журналах. И ты получишь от нее обе статьи. Когда-нибудь, лежа в постели с этими книгами, услышишь, как неистово завоет буря на дворе, хотя бы такая, в какую я приехал к тебе, и представишь себе, как брат твой испытывал все это на морях, – право, испугаешься». В книге поступлений Ульяновского краеведческого музея это издание было зарегистрировано в 1976 году как переданное из библиотеки художественного музея (ранее они были единым музеем), но в документации отмечено, что книга

была пожертвована потомком семьи Гончаровых, племянницей писателя Екатериной Михайловной Кирмаловой еще в 1901 году. И в этом тоже состоит ее особая значимость среди других изданий коллекции. Сейчас книга представлена в экспозиции Музея Гончарова, в зале «Путешествие на фрегате «Паллада»».

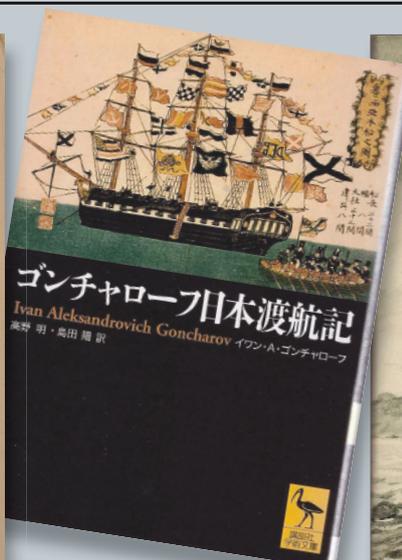
В постоянной музейной экспозиции демонстрируется первое издание книги очерков путешествия – 1858 года. Книга вышла по инициативе книгоиздателя А.И. Глазунова. Текст «Фрегата «Паллада»» предваряет предисловие «От издателя». А на титульном листе напечатано посвящение Гончарова: «Его императорскому высочеству государю, великому князю Константину Николаевичу с чувствами глубочайшего уважения и беспредельной преданности посвящает автор». Позже Гончаров писал в «Необыкновенной истории»: «...я напечатал [...] путевые записки «Фрегат «Паллада»» – и, конечно, поспешил представить первые экземпляры всей императорской фамилии, с посвящением великому князю Константину Николаевичу, которому был обязан этим плаванием» (по отношению великого князя Константина Николаевича, в скором времени возглавившего морское министерство, Гончаров был включен в состав экспедиции). Книга Гончарова была издана в двух томах. В коллекции музея представлены оба тома, поступившие в 1976–1977 годы от С.Л. Сытина, и еще два экземпляра

«Фрегат “Паллада”» на английском языке. Нью-Йорк, 1987

«Фрегат “Паллада”» на французском языке. Лозанна, 1995

«Записки о плавании в Японию». Токио, 2008

«Фрегат “Паллада”». Ульяновск, 2013

тома 2-го: поступление 1977 года из Куйбышевской областной библиотеки и 1986 года от жителя Ленинграда Г.Г. Коллегаева.

После выхода книги «Фрегат “Паллада”» время от времени напоминания друзей или просьбы издателей заставляли Гончарова извлекать новые отрывки из своего «путевого журнала». Так в 1858 году появились «Два случая из морской жизни», в 1874 году – «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании», а в 1891-м – очерк «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске». Два последних издания представлены в собрании музея.

Очерк «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» был опубликован в издании «Складчина» – литературном сборнике, составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии (СПб., 1874). Всего в сборнике представлено 48 литератураторов. Гончаров был не только одним из авторов, но и входил в состав редакционно-издательского комитета книги. Его очерк был написан специально для сборника в кратчайшие сроки. Замысел связан с присутствием Гончарова 6 января 1874 года на обеде, устроенном бывшими участниками экспедиции в Японию в честь двадцатилетней годовщины избавления их от гибели при крушении фрегата «Диана» в 1854 году. Об этом автор пишет: «Многое возобновилось в памяти плавателей за этим обедом [...] Японская экспедиция была тут почти вся в сборе

[...] Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лет назад и доскажу, между прочим, о том, что случилось с “Палладой” и как заключилось дальнейшее плавание моих спутников, после того, как я расстался с ними». В 1879 году этот очерк под новым названием «Через двадцать лет» превратился в заключительную главу книги «Фрегат “Паллада”», ее эпилог.

«По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске» был опубликован в новом литературно-политическом и научном журнале «Русское обозрение» в январе 1891 года. Очерк дополняет сибирские главы «Фрегата “Паллада”» прежде всего подробными описаниями якутского и иркутского общества. Здесь, по прошествии многих лет, Гончаров напишет о встречах в Сибири с ссыльными декабристами (Волконским, Трубецким, Якушкиным, Поджио), о чем ранее писать было «неудобно», в том числе по авторцензурным соображениям.

Второе издание книги «Фрегат “Паллада”» вышло в двух томах в типографии Морского министерства в 1862 году.

В 1879 году Гончаров продал право на издание «Фрегата “Паллада”» представителю старейшего в России книгопродавческого дома И.И. Глазунову. Третье издание вышло со значительной правкой текста автором, «с переменаами», как указано на титульном листе. Имеются в виду не только стилистические уточнения, но и дополнения, сокращения, заме-

ны, связанные с углублением смысла, с появлением новых содержательных моментов. Также эта публикация была дополнена «Предисловием автора к третьему изданию “Фрегата “Паллада”» и впервые – главой-эпилогом «Через двадцать лет». Специально для этого издания по просьбе Глазунова гравер И.П. Пожалостин выполнил известный портрет Гончарова с фотографии К.И. Бергамаско 1873 года. Этот портрет предвдваряет публикацию текста.

Все дальнейшие дореволюционные издания книги – отдельные и в составе сочинений – печатались в издательстве Глазунова (в общей сложности 9 изданий). Только в 1899 году вышло 12-томное собрание сочинений Гончарова как приложение к первому в России массовому иллюстрированному еженедельному журналу «Нива», издававшемуся А.Ф. Марксом. Журнал предназначался для семейного чтения и был ориентирован на широкий круг читателей. С начала 1890-х бесплатными приложениями к «Ниве» стали выходить собрания сочинений крупнейших русских и зарубежных писателей. Благодаря высокому уровню печатавшихся произведений и низкой цене на подписку журнал обрел популярность и самый высокий тираж среди журналов России конца XIX – начала XX веков. Не случайно в фондах музея хранится большое количество экземпляров этого издания. Все они в разных издательских и владельческих переплетах. Очерки

путешествия публиковалась в 5, 6 и 7 томах. Нередко два или все три тома сочинения переплетались под одной обложкой, в одну книгу.

Среди публикаций «Фрегата “Паллада”» XX–XXI веков стоит обратить внимание на издание 1949 года, подготовленное Государственным издательством географической литературы. За основу его взяли текст из последнего прижизненного собрания сочинений Гончарова (1886), то есть с последней правкой автора. Впервые в издании были расшифрованы имена и фамилии спутников Гончарова по путешествию (прежде они обозначались инициалами). Автором большой вступительной статьи и подробного комментария к тексту выступил Сергей Дмитриевич Муравейский, что интересно, не литературовед, а известный географ, гидролог, в те годы директор НИИ географии АН СССР, декан географического факультета МГУ, член президиума Географического общества СССР.

Это издание не просто открывает портрет Гончарова (в данном случае с литографии 1847 года). Здесь текст впервые сопровождается богатым иллюстративным материалом. Впервые, для оформления книги два московских художника Борис Константинович Винокуров и Валентин Дмитриевич Цельмер создали серию иллюстраций, среди которых заставки к главам очерков и отдельные иллюстрации к соответствующим страницам текста. Для нас это особенно интересно и ценно по той причине, что подлинники иллюстраций (35 ед.) хранятся в фондах музея, были переданы в дар в 1976 году. Кроме названных иллюстраций, издание дополнено разворачивающимися картами-вклейками и рисунками, в том числе оригинальными: впервые публикуемые рисунками Александра Можайского (изобретателем первого в мире самолета, участника плавания на фрегате «Диана»), японскими рисунками с изображением русской дипломатической миссии из коллекции Центрального военно-морского музея. Неудивительно, что «географическое» издание «Фрегата “Паллада”» не раз переиздавалось – в 1950, 1951 годах. В собрании музея представлены и переиздания книги.

В 1951 году в издательстве «Ульяновская правда» также появилось издание «Фрегата “Паллада”». По сути своей оно повторяло издание Государственного издательства географи-

ческой литературы. Но, к сожалению, уже не включало ни иллюстраций, ни карт, ни даже портрета Гончарова. Отметим, что еще одно ульяновское издание книги состоялось в 2013 году, оно было приурочено к открытию Международного культурного форума, выпускалось как подарочное издание для формирования представительского пакета участника мероприятия. В оформлении его использованы музейные фондовые иллюстрации Винокурова и Цельмера, на суперобложке и отдельной вклейкой.

В 1976 году издательство «Советская Россия» выпустило книгу очерков путешествия Гончарова с послесловием исследователя русского романа XIX – начала XX веков Елены Александровны Краснощековой. В 1986 году Саратовское Приволжское книжное издательство повторило статью Краснощековой в издании серии «Волжские просторы». В 1984 году книга «Фрегат “Паллада”» вышла в Калининграде в серии «Морской роман».

В 1986 году в Ленинграде в издательстве «Наука» вышло первое академическое издание в серии «Литературные памятники», подготовленное сотрудником ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН Тамарой Ивановной Орнатской. Текст издания печатался по последнему прижизненному собранию сочинений Гончарова, со сверкой по журнальным публикациям, всем прижизненным изданиям, с обозначением наиболее характерных разночтений и вариантов. В этом издании, кроме текста «Фрегата “Паллада”», опубликованы очерки Гончарова «Два случая из морской жизни» и «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске», тесно связанные с вошедшими в книгу главами; письма Гончарова из плавания и написанные позже, но также относящиеся к творческой истории очерков, связанные с текстом и зачастую дополняющие его. Примечания к тексту, составленные Т.И. Орнатской, представляют подробный историко-литературный, текстологический и постраничный реальный комментарий к тексту. Здесь же помещена статья филолога, литературоведа и переводчика Бориса Михайловича Энгельгардта «Фрегат “Паллада”». Завершают публикацию «Словарь морских терминов», «Указатель имен», «Указатель географических названий», что связано с большим количеством исторических лиц и географических названий в книге. Текст «Фрегата “Паллада”»

предваряют Гончарова, впервые опубликованный в третьем отдельном «глазуновском» издании (1879), и предисловие автора к 3 изданию книги. Среди иллюстраций к тексту – портреты, карты, титульные листы прижизненных изданий, рисунки в основном из фондов Пушкинского дома и Центрального военно-морского музея. В собрании музея представлено два экземпляра этого издания. Одно – с дарственной надписью Орнатской: «В библиотеку музея И.А. Гончарова от составителя этой книги. 20.V.86. Ленинград. Т. Орнатская».

Самое полное на сегодня научное, академическое издание «Фрегата “Паллада”» вышло в Санкт-Петербурге в составе Полного собрания сочинений и писем Гончарова в 20 томах, издаваемого Институтом русской литературы (Пушкинский дом) РАН. В 1997 году сотрудники Гончаровской группы института подготовили и издали текст книги, на основе изучения существующих источников (печатных и рукописных). А в 2000 году – целый том с приложениями и комментариями. Здесь помещены очерки Гончарова, связанные с книгой-путешествием, известные авторские предисловия, впервые опубликованы официальные документы экспедиции, которые Гончаров вел на протяжении 1853–1856 годов по своей должности секретаря адмирала Е.В. Путятина, из фондов Архива внешней политики России. Том содержит раздел «Рукописные редакции и варианты», текстологические, историко-литературные, постраничные комментарии и примечания. Завершает издание словарь морских терминов, встречающихся в книге.

Несколько слов об иностранных изданиях «Фрегата “Паллада”».

Еще при жизни автора отрывки очерков путешествия Гончарова были переведены на чешский и болгарский языки, предпринимались первые попытки перевода на японский. Переводы небольших фрагментов текста появились в 1942 году на таджикском, в 1947 – якутском, в 1953 – литовском, в 1962 – татарском языках. В Японии, Китае, Южной Африке, то есть в странах, описываемых в тексте «Фрегата “Паллада”», выбирали для перевода соответствующие главы: «Шанхай» в Китае (1980), «На мысе Доброй Надежды» в Кейптауне (1960–1961), «Манила» на Филиппинах (1974), отрывки «японских» очерков печатались с 1898 года достаточно регулярно.

Полностью японские главы книги, а также несколько близких к ним очерков были переведены в 1969 году. Сокращенные переводы книги выходили в Германии (1925), Польше (1960), Великобритании (1965). Полностью книга была переведена на чешский (1927), венгерский (1952), немецкий (1953), румынский (1956), эстонский (1958), итальянский (1970), грузинский (1972), болгарский (1977), китайский (1982) языки. В 1987 году перевод «Фрегата “Паллада”» опубликован в США. В 1995 году вышел полный французский перевод книги.

В коллекции музея представлены переводы «Фрегата “Паллада”» на грузинский (1972) и эстонский (1958) языки. Книги поступили в музей в ходе его создания и формирования коллекции, в 1976–1977 годах, соответственно, из Государственной республиканской библиотеки Тбилиси и Государственной библиотеки Эстонской ССР. Эстонский перевод интересен тем, что в его основе лежит текст нашего Государственного издательства географической литературы 1949 года, с опубликованными в нем рисунками, картами и иллюстрациями Б.К. Винокурова и В.Д. Цельмера, примечаниями и вступительной статьей С.Д. Муравейского.

В конце XX века в музей поступило издание «Фрегата “Паллада”» на французском языке, известной серии «Славянская классика» (1995). Предисловие к этой книге написал французский славист, переводчик, профессор Сорбонны, Жак Катто, участник V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Гончарова. В музейном собрании два издания книги, одно из них с дарственной надписью: «От автора предисловия профессора Жака Катто в дар музею Гончарова в городе Симбирск-Ульяновск. Париж. 27.8.1996 г.».

Первый полный перевод «Фрегата “Паллада”» на английский язык вышел в Нью-Йорке в 1987 году. Переводчик – рожденный в Германии Клаус Гетце. Книга была передана в дар музею Галей Димент, доктором филологии, профессором университета штата Вашингтон (Сиэтл, США) в 2007 году, когда она посетила Ульяновск и участвовала с докладом в Международной научной гончаровской конференции. Книга в цветной суперобложке, оформленной Стивом Мэдсоном. В качестве иллюстраций здесь приводятся виды по маршруту плавания «Палла-

«Записки о плавании в Японию». Токио, 1969

ды», но авторство их нам неизвестно.

Наконец, в фондах музея хранятся издания очерков Гончарова на японском языке. К сожалению, полностью книга «Фрегат “Паллада”» в Японии до сих пор не издана. Наиболее полная публикация, включающая, конечно, японские главы и очерки «Гонконг», «Острова Бонинсима», «Шанхай», «Ликейские острова», «Через двадцать лет», издана под названием «Записки о плавании в Японию» в 1969 году в переводе Такано Акира и Симада Е. Здесь, видимо, за основу текста также взято наше издание Государственного издательства географической литературы. В качестве вступительной статьи к тексту дается перевод все той же статьи С.Д. Муравейского из названного русского издания. Эта книга в твердом переплете, в картонном футляре. Отдельным блоком в начале издания помещены листы-вклейки с портретами, картами, рисунками русских и японских авторов. Книга подарена музею японским писателем Саке Комацу, который побывал в Ульяновске в июле 1986 года вместе со съемочной группой из Японии, снимавшей фильм о Волге.

Еще одно японское издание, включающее те же главы, но без вступительной статьи Муравейского 1988 года, в мягкой обложке, в переводе другого автора – Иноуэ Мицуру. Оно поступило в музей в 1992 году от Икуо Ониси, ассистента профессора

Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония), также участника юбилейных Международных гончаровских конференций.

Участник последней конференции 2017 года, лауреат Международной литературной премии им. Гончарова 2017 года, доктор филологии, профессор университета Сайтама Кадзухико Савада передал в музей издание перевода глав книги Гончарова на японский язык 2008 года. Оно включает перевод четырех очерков: «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов», «Русские в Японии», «Острова Бонинсима» и «Ликейские острова». Это небольшая по размеру книга в мягкой, но яркой иллюстрированной суперобложке.

В 2018 году книге очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» исполнилось 160 лет. История ее издания свидетельствует о том, что книга выдержала испытание временем. Обращаясь сегодня к читателям XXI века, остается напомнить слова ее автора – Гончарова, адресованные им однажды молодому поколению: «Я бы вам рекомендовал мое любимое произведение, которое мне никогда не надоедает [...] Читайте «Фрегат “Палладу”»!

Елена Клевогина,

заведующая отделом научно-экспозиционной работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова

Сюжеты открытых писем

О коллекции открыток XIX-XX веков

В романе «Обломов», бессмертном творении Ивана Александровича Гончарова, изданном в 1859 году, есть великая фраза, с которой обращается к Илье Ильичу его друг и антипод, русский немец Андрей Иванович Штольц: «Помнишь, ты хотел после книги объехать чужие края, чтоб лучше знать и любить свой?..».

Любовь – большое и важное слово. И любви не бывает без знания. Влюбленному кавалеру так легко попасть в просак, накликать гнев своего кумира, когда он подносит барышне букет желтых тюльпанов, не зная, что она их не переносит на дух, а любит белые розы.

Книги и путешествия. И то, и другое служило познанию мира, расширяло культурный кругозор, расширяло границы знания – исторические, географические и политические. Россиянин рвался за границу, чтобы расширить культурный кругозор, почерпнуть и привнести сюда, обратно, к себе домой тот культурный дух и достижения.

Транспорт стал, пожалуй, самым выразительным символом научно-технического прогресса. Пароходы и пароходы значительно ускорили, а глав-

ное, удешевили путешествия. В XIX веке появляется массовый туризм.

«История ума представляет две главные эпохи, – писал на заре XIX столетия Николай Карамзин, – изобретение букв и типографии; все другие были их следствием». Следствием бурного развития полиграфической промышленности стало появление в начале 1870-х годов открытых писем, или открыток, карточек для открытых, не помещаемых в конверт, писем, на лицевой стороне которых был какой-либо сюжет. Невероятное разнообразие сюжетов скоро породило коллекционирование открыток, филокартию. Оно породило также особый, символический язык общения через открытки, когда сюжетное изображение красноречиво дополняло краткий текст или говорило само за себя, выразительнее слов.

Одно дело – покупать открытки,

но куда как интереснее – получать их из дальних стран, из путешествий и поездок, о которых мечтал Обломов и в которые отправился его друг Штольц.

Италия и Швейцария – две страны, стоявшие первыми в планах Ильи Ильича. Первую из них освоили русские художники, вторую – русские революционеры. Еще в Швейцарию на рубеже XIX–XX столетий ехали учиться русские студенты, и в таком количестве, что это вызывало опасения и даже протесты местной публики, вынужденной тесниться в аудиториях среди русскоговорящих барышень и кавалеров. Именно 2/3 учащихся составляли россиянки, не имевшие, увы, возможности получить высшее образование у себя на родине. Среди них была и симбирянка Нина Сергеевна Марченкова (1882–1969), постигавшая акушерство и гинекологию на медицинском

Венеция. Площадь св. Марка

А. дель Сарто. Мадонна с Младенцем

Теманомера. Совершеннолетние истории

факультете Женевского университета.

Нина Марченкова вместе с младшими сестрой Марией и братом Иваном приехала в Швейцарию осенью 1906 года. В России полыхало пламя Первой русской революции, студенческие волнения и аграрные бунты. Быть вдали от родины не значило быть равнодушным, не желать ей счастья, не сопереживать тем, кто, как казалось, борется за это счастье, за лучшую жизнь для русского народа.

Учеба за границей, тем более столь ответственная, как овладение искусством врача, занимала много времени и сил. К счастью, у Нины Марченковой была подруга, которую звали Катя. У Кати был голос и артистический талант, и она мечтала о карьере актрисы, певицы. Катя прослушивалась у знаменитого музыканта Винченцо Ломбарди, учителя великого Энрике Карузо. Этот замечательный педагог обнадежил ее, указал на наличие природного таланта, который можно и нужно доводить до совершенства!..

Катя много ездила по Европе, непременно посылая Нине открытые письма из каждого пункта своих вояжей, а иногда по несколько, стоило ей задержаться, допустим, в Венеции. Это были путешествия за мечтой, а за мечту надо было бороться, и всякая борьба нуждается во вдохновении и примере. Когда-то Швейцария давала великий пример борьбы – легендарного стрелка, горца Вильгельма Телля, отказавшегося кланяться шляпе австрийского герцога, приговоренного за то сбить стрелой яблоко, поставленное на голову своего единственного сына, и застрелившего австрийского наместника,

притеснявшего швейцарский народ.

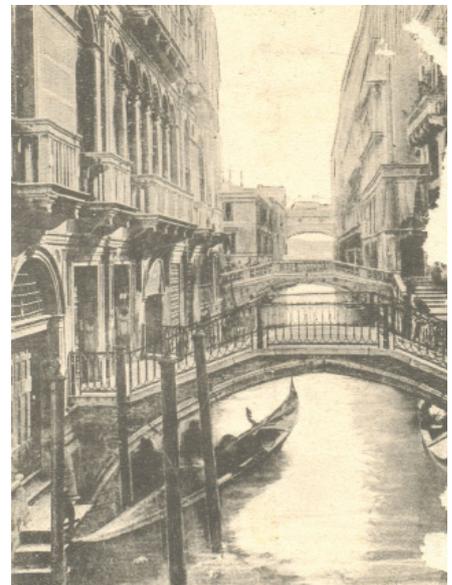
Но эта романтическая история, столь волновавшая сердца в начале XIX века, в начале XX века сменилась другими героями – точнее, героинями, населявшими швейцарские горы. Крестьянская девушка в брюках! Перефразируя вождя мирового пролетариата, эта штука посильнее, чем Вильгельм Телль! Это теперь швейцарский городок Шампери – средоточие популярных горнолыжных курортов, и никого не удивляет зрелище женщины в штанах. Для Кати и Нины крестьянка изпод Шапмери выглядела своеобразным идеалом и символом свободы выбирать свою судьбу, профессию, поступать по велению своего сердца.

Но все равно Швейцария с ее университетами, банками, коровами и шоколадом выглядела слишком размеренной и буржуазной. Италия – вот неиссякаемый кладезь романтики, вдохновения, сокровищ истории и культуры, из которого можно черпать бесконечно и к которому никогда не устанет припадать вдохновенное русское сердце: Венеция, Флоренция, Рим...

К Вечному городу, Риму, в России всегда было особое отношение. Москва – «Третий Рим», а Санкт-Петербург, город святого Петра – фактически «Рим четвертый». Колоннады, памятники, дворцы и храмы столицы Российской империи возводились с оглядкой – и в соперничестве со столицей античной Римской империи. Император Павел I пожелал, чтобы Казанский собор на Невском проспекте был похож на собор святого Петра в Ватикане – и царское пожелание стало явью. Выстроенный в 1801–1811 годах собор стал символом

Екатерина

Венеция. Канал

Колизей

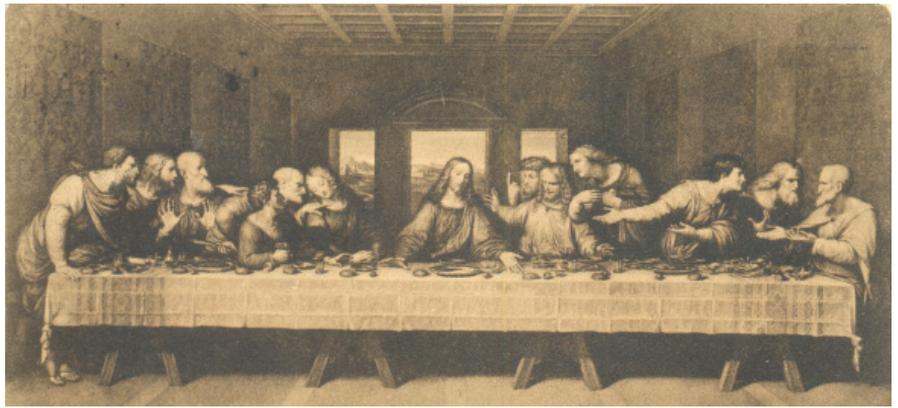
Болонья

Мадонна Мурильо

Л. Моргари. Смерть Рафаэля

Милан. Тайная Вечеря

русской воинской славы, победы в Отечественной войне 1812 года. А для молодежи начала XX столетия он был и символом революционного сопротивления. Именно перед Казанским собором проходили студенческие сходки. Именно здесь строились первые баррикады Первой русской революции, в день Кровавого воскресенья 9 января 1905 года.

Но Ватикан – это еще и сокровища культуры, место, где творили гении, Микеланджело и Рафаэль Санти, музейные залы, в которых тесно от посетителей и экспонатов, каждый из которых растроган во множестве исторических трудов и музейных пособий – как, например, император Тиберий, запечатленный в колоссальной мраморной статуе. Точнее говоря, в двух статуях – сохранившаяся голова от одного несохранившегося монумента была приставлена к другому безголовому торсу. Эта статуя – символ абсолютной власти. Земной и смертный Тиберий предстает на ней в

образе Зевса-громовержца, выбивающего несохранившимся жезлом грома и молнии из небесной тверди.

Время правления Тиберия, с 14 по 37 годы нашей эры – именно при нем был распят Иисус Христос, казалось современникам мрачным и страшным. Не справляясь с грузом ответственности и полномочий, конец жизни император Тиберий буквально скрывался на острове Капри, том самом, который облюбовал на заре XX столетия «буревестник» русской революции, кумир революционной молодежи, писатель Максим Горький.

Амфитеатр Флавиус, или Колизей – самое величественное строение в Риме, сохранившееся от античной эпохи. Он строился в 72–80 годах, преимущественно на средства и руками рабов, захваченных в ходе Первой иудейской войны 66–71 годов, предсказанной Христом и окончившейся полным поражением и разорением евреев. На арене грандиозного амфитеатра, вмещавшего более 50 тысяч

Опера в Италии

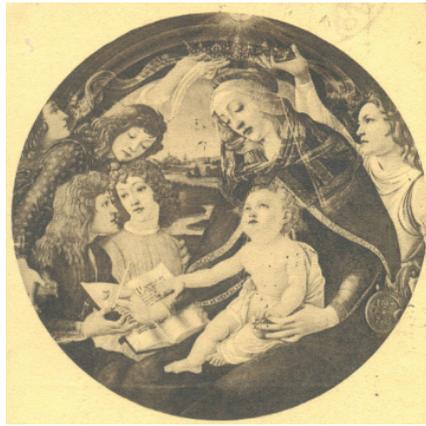

зрителей, разворачивались кровавые представления, гладиаторские бои, травля диких животных. Арену Колизея пропитывала кровь христианских мучеников, казнимых здесь на потеху языческой толпе на протяжении трех столетий. И потому-то во времена Средневековья сюда стремились со всего христианского мира пилигримы, а с ними – разносилось по свету поверье: «Пока стоит Колизей – будет стоять мир. Рухнет Колизей – рухнет и Рим, а с ним и целый мир». В атмосфере начала XX столетия – это «пророчество» вдруг начинало звучать как-то особенно тревожно и актуально.

Имена двух гениев, живописца Рафаэля Санти (1483–1520) и поэта Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), в России звучали часто, и до сих пор звучат рядом. Сравнительно короткие, а значит, до предела насыщенные внутренней динамикой и творческим горением жизни этих творцов привлекали внимание всеми своими подробностями – и порождали множество мифов, легенд и сплетен, через которые досужие потомки как бы пытались «приблизить» их к себе.

«Толпа... в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего, – писал об этом сам Александр Сергеевич. – При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок – не так, как вы – иначе».

«Поэтическая» история гласила, что Рафаэль погубил себя беспорядочным образом жизни, неумеренно увлекаясь женщинами и итальянскими винами. Проза жизни была такова, что художник подхватил лихорадку, когда,

МадоннаМагнификат.С.Боттичелли

с присущей ему любознательностью, посещал места археологических раскопок.

Рядом с ложем, на котором умирает Рафаэль, восседает папа римский Лев X, живший с роскошью и великолепием светского владыки – именно против него был направлен протест тех, кто называл себя протестантами. К Рафаэлю припала молодая женщина, его модель и возлюбленная Форнарина. Над Рафаэлем склонился его гениальный товарищ, великий скульптор Микеланджело Буонарроти (1475–1564). Папа требует от Форнарины выйти прочь, их невенчаный союз с Рафаэлем – грех в глазах Церкви. А художнику, так похожему на Христа после распятия, оплакиваемого в гробнице, уже нет дела до окружающей суеты. Он озарен нездешним светом – он готовится войти в вечность.

У Нины Сергеевны был опыт неудачного замужества и не было детей. Она была прекрасной крестной мате-

рью и врачом, помогавшим войти в мир множеству крохотных новорожденных жизней. Материнство Пресвятой Богородицы – великий символ материнства. Великие итальянцы Сандро Боттичелли (1445–1510) и Андреа дель Сарто (1486–1531), яркий представитель «золотого века» испанской живописи Бартоломе Эстебан Мурильо (1617–1682), каждый по-своему, но глубоко и лично писал Пресвятую Богородицу и Младенца Иисуса.

«Мадонна Магнификат», или «Коронование Девы Марии» Сандро Боттичелли стала одной из самых знаменитых работ этого живописца еще при жизни художника. Андреа дель Сарто для Мадонны позировала его жена Лукреция дель Феде, вдова шляпника, женщина с далеко не ангельским характером. Но он любил ее, и эта любовь вдохновляла на творчество, которое на протяжении веков вдохновляет и радует людей по всему миру.

Да, конечно, любая копия далека от оригинала. Но все равно она приближает нас, а не уводит прочь от великого культурного наследия человечества. Приближает нас к людям, что жили до нас, восхищались и вдохновлялись тем, чем способны вдохновляться и мы с вами. И хотя многое переменялось на Выборгской стороне, там, где доживал свой век Илья Ильич Обломов, человечность остается неизменной.

Иван Сивопляс

Рим. Площадь св. Петра

Тиберий

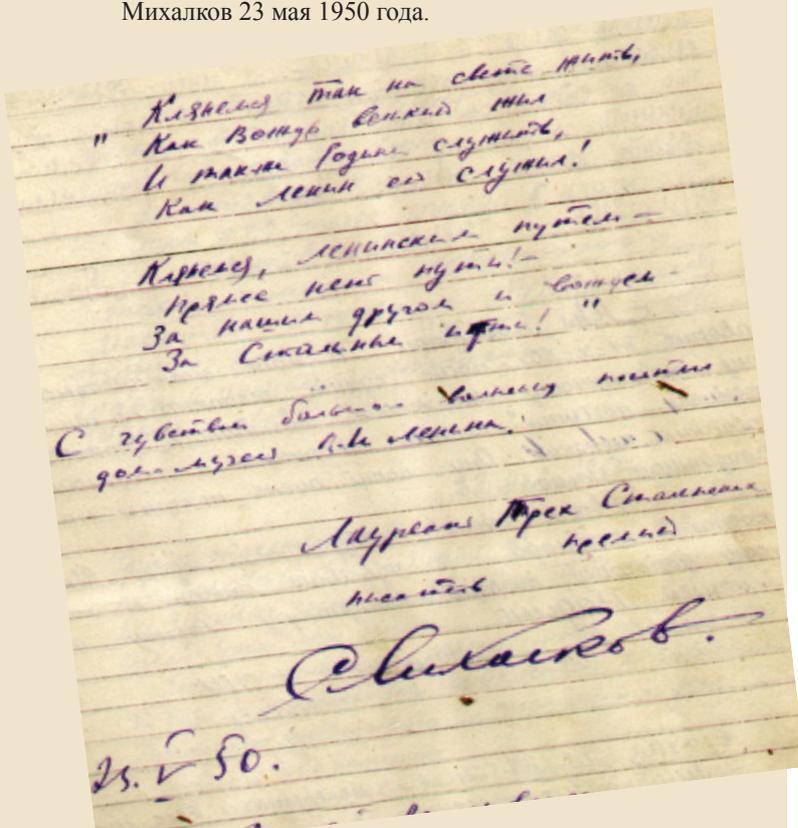
ТОП-10 знаменитостей XX века, побывавших на родине Ленина

Родина Ленина – Ульяновск – место паломничества не только советских граждан, но и иностранцев. Так называемый «рабочий туризм», безусловно, играл роль, однако большинство стремились увидеть город, где родился будущий вождь революции, прочувствовать обстановку и понять характер места, где воспитывался Володя Ульянов. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области предлагает читателям «Мономаха» ТОП-10 знаменитостей XX века, посетивших наш город и оставивших комментарии о нем.

Папа «Дяди Стёпы» (Сергей Михалков)

«Клянемся так на свете жить,
Как Вождь великий жил.
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!
Клянемся Ленинским путем –
Прямее нет пути! –
За нашим другом и вождем –
За Сталиным идти!

С чувством большого волнения посетил Дом-музей В.И. Ленина», – писал поэт, публицист, драматург, создатель «Дяди Степы» и Гимна СССР Сергей Владимирович Михалков 23 мая 1950 года.

Отзыв С.В. Михалкова о посещении Дома-музея В.И. Ленина в Ульяновске. 23 мая 1950 г. Уникальный документ из фондов ГАНИ

«...я желаю вам Волгу счастья...» (Джанни Родари)

Летом 1969 года в Ульяновске побывала делегация из Италии. Помимо представителей Итальянской коммунистической партии: Кароссина Анжело, Чиофи Луиджи, Торнатора Марио, Реджоди Калабрия, Викки Джорджио, Пьерино Джузеппе, 2 августа по Волге пароходом «Грузия» из Казани в Ульяновск прибыл всемирно известный писатель Джанни Родари.

Писатель Джанни Родари в Ульяновске. 1969. Из личного фонда Г.А. Денисовой. ГАНИ

На причале сказочника приветствовали юные читатели. Писатель говорил: «Поездка по Волге для меня самого оказалась сюрпризом. Я собираюсь написать серию статей о Ленине для газеты «Паэзе сера» (ведь я считаю себя прежде всего журналистом) и решил посетить родину Владимира Ильича. Мне представилась возможность сначала побывать в Казани и Кожушкино. Мои первые впечатления? Их так много, что сразу все и не перескажешь. Прежде всего, природа. Поражают огромные просторы, бескрайнее небо над головой. (Ведь мы, итальянцы, привыкли к другим пейзажам – горы как бы сокращают пространство). У меня на Волге совершенно особое настроение. Мне кажется, здесь можно лучше понять душу русского человека – его серьезность и доверчивость, его силу и широту». Еще на теплоходе писатель обратил внимание на современные здания города. На встрече с председателем Ульяновского городского исполнительного комитета Борисом Ланцовым Родари задали вопрос: какое сильное впечатление оставил Ульяновск? Писатель ответил: «Конечно, посещение Дома-музея В.И. Ленина и возможность увидеть весь размах строительства Нового города».

Выступление генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева на торжественном собрании, посвященном открытию Ленинского мемориала. 16 апреля 1970. Фотоколлекция ГАНИ

Главный человек страны (Леонид Брежнев)

комбината, завода железобетонных изделий, автомобильного и других предприятий города. Леонид Ильич побывал в Доме-музее Ленина, на площади Ленина, в классической гимназии, где учился Владимир Ульянов. Неподалеку от флигеля, где родился Володя, генеральный секретарь посадил березку. А после осмотра мемориальной зоны Брежнев принял участие в торжествен-

ном собрании, посвященном открытию Мемориала.

«...Открытием Ленинского мемориала в Ульяновске мы как бы начинаем всенародное празднование великого юбилея по всей нашей стране. Это будет клятва нашего народа в верности ленинизму – клятва жить, бороться и трудиться по-ленински», – сказал Л.И. Брежнев.

Л.И. Брежнев у парты, за которой сидел Владимир Ульянов. Фотоколлекция ГАНИ

16 апреля 1970 года состоялось знаменательное событие в истории Ульяновска – открытие Мемориального комплекса Владимиру Ильичу Ленину – ставшее поводом для посещения Ульяновска высокопоставленных лиц. В этот день в город приехал генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. После встречи в аэропорту кортеж генсека проследовал мимо завода тяжелых и уникальных станков, домостроительного

По профсоюзным делам (Валентина Терешкова)

16–17 апреля 1970 года в Ульяновске проходила Международная встреча представителей профсоюзного рабочего движения, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В качестве председателя Комитета советских женщин в Ульяновск приехала Герой Советского Союза, первая женщина-космонавт Валентина Терешкова.

В.Н. Терешкова на встрече с учениками ордена Ленина гимназии № 1 в апреле 1970. Фотоколлекция ГАНИ

О «Союзе-9» в стенах Мемориала (Андрян Николаев)

Дважды в Ульяновске побывал советский космонавт, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Андрян Николаев.

В год столетия со дня рождения В.И. Ленина в Ульяновске проходила Всесоюзная переключка сельских клубов, участником которой стал Андрян Григорьевич. Впервые космонавт побывал в Ульяновске накануне знаменательного юбилея. Во второй визит Николаев отметил: «...самые глубокие впечатления оставляет этот замечательный город и, прежде всего, Ленинская Мемориальная зона...».

18 ноября Андрян Григорьевич в Большом зале Ленин-

ского мемориала рассказал участникам слета Всесоюзной переключки и Всероссийской научно-практической конференции, созванной Министерством здравоохранения РСФСР, о семнадцатидневном полете корабля «Союз-9» и научных экспериментах в космосе.

После встречи Николаев прошелся по музею. «С большим интересом и радостью осмотрел Ленинский мемориал. Этот замечательный памятник В.И. Ленину на его родине имеет огромное значение в воспитании нашей молодежи и всех трудящихся в духе коммунистического мировоззрения», записал космонавт в книге посещений.

Космонавт А.Г. Николаев во время экскурсии по Ленинскому мемориалу в ноябре 1970. Фотоколлекция ГАНИ

И снова «итальянцы» в России

В 1974 году на экраны вышел советско-итальянский комедийно-приключенческий фильм Эльдара Рязанова и Франко Проспери «Невероятные приключения итальянцев в России» с Андреем Мироновым, Евгением Евстигнеевым, Антони Сантили, Тако Чамороза, Нинетто Даволи, каскадерами Миони, Вартьери, Риччи.

Некоторые сцены фильма были сняты в Ульяновске, например, эпизоды с самолетом. Вместе с режиссером в город приехала съемочная группа. Помощь в съемках оказала Ульяновская школа высшей летной подготовки (ныне Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева). Экипажу пришлось нелегко – экстренное снижение самолета, когда буквально в считанные минуты высота полета уменьшилась на семь тысяч метров, снижение на шоссе в районе Солдатской Ташлы и полет над ним на высоте 100 метров, сближение с другим самолетом, с которого снимали. По словам журналиста «Ульяновской правды» В. Николаевой, режиссер-постановщик фильма Эльдар Рязанов высоко оценил помощь начальника ульяновской авиационной школы Ивана Анатольевича Тарашина, который консультировал кинематографистов и в качестве командира корабля выполнял снимаемые трюки.

Выступление В.В. Тихонова в 1974 году. Фотоколлекция ГАНИ

История разведчика (Вячеслав Тихонов)

В июле 1974 года в Ульяновск приехал народный артист СССР, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР, киноактер, сыгравший резидента советской разведки в фашистской Германии, Вячеслав Васильевич Тихонов. На творческой встрече он рассказал о работе над образом Штирлица. Актер жил по соседству с человеком, который оказался советским разведчиком, вернувшимся из страны так называемого капиталистического блока. Он писал рассказы. «Один из рассказов, который в свое

время очень взволновал меня, – вспоминал Тихонов, – я передал Татьяне Лиозновой. Ее он тоже растрогал, и мы решили его использовать. Речь идет о сцене с женой. В действительности все было несколько иначе. Встреча тогда состоялась в нейтральной стране. Когда мой друг рассказывал об этом, на глазах у него были слезы». По мотивам рассказов загадочного соседа также был создан сценарий фильма «Мертвый сезон», однако разведчика в нем сыграл Донатас Банионис.

«Я должен сюда вернуться...» (Джеймс Олдридж)

4 июня 1975 года в Ульяновске побывал английский писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймс Олдридж с супругой Диной. Гости из Англии посетили ленинские места, Ульяновский педагогический институт, областную детскую библиотеку и встретились с журналистами газеты «Ульяновская правда».

По словам Олдриджа, он много лет ждал возможности посетить Дом-музей Ленина: «...как только я вошел сюда, я почувствовал

себя дома. Это великолепный музей, потому что он совсем не музей...».

Во время поездки по городу – короткая остановка у могилы Ильи Николаевича Ульянова, а дальше – мимо новеньких домов по улице Минаева, через площадь 30-летия Победы к памятнику вождю революции, посещение дома, где родился Ленин. Заинтересовал писателя макет читального зала Британского музея в Лондоне – Ленин посещал его в 1902–1903 годах, – читателем которого был и сам Джеймс Олдридж.

Джеймс Олдридж в редакции газеты «Ульяновская правда». 4 июня 1975 года. Из личного фонда М.А. Колодина. ГАНИ

«Всем вам удачи!» (Павел Попович)

«Чсть и хвала создателям этого замечательного комплекса (Ленинского мемориала. – Прим. авт.) – самого яркого пропагандиста ленинских идей!» – написал к книге отзывов летчик-космонавт СССР, депутат Верховного Совета Украинской ССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Павел Романович Попович, посетивший Ульяновск в октябре 1981 года.

*буде счастлива!
Павел Романович
15.10.81г.*

Космонавт П.Р. Попович во время посещения школьного музея. 15 октября 1981 года. Из личного фонда Ю.А. Ромбовского. ГАНИ

Недолгая встреча (Ирина Купченко)

Зимой 1999 года ульяновская публика увидела пьесу английского драматурга Уильяма Гибсона «Понедельник после чуда» в исполнении актеров московского театра «Игрок», среди которых была народная артистка России

Актриса Ирина Купченко. Фотоколлекция ГАНИ

Ирина Купченко. После спектакля прошла пресс-конференция, на которой актриса поделилась впечатлениями об ульяновских зрителях, тепло принимающих актерскую труппу: «зритель не всегда догадается принести цветочек любимому исполнителю, но пострадать вместе с ним готов всегда».

Рената Ильзова,
ведущий архивист отдела использования, публикации документов и НСА Государственного архива новейшей истории Ульяновской области
При подготовке статьи использовались документы из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, а также материалы газеты «Ульяновская правда»

Загадки Скрипинских Кучур

Рыба и ракушка

Ежегодно тысячи туристов посещают необыкновенный по красоте каменный лес Скрипинских Кучур. Однако люди забывают, что это непростое место, и относятся к нему как своего рода зоне развлечения, а напрасно. Возьмем, к примеру, поляну, где собираются путешественники, у горы с каменными истуканами. Отсюда для многих начинается знакомство с «лесом камней». В статье мы оставим за скобками красоту Скрипинских Кучур и попробуем распознать нечто совсем иное, причем рассказ затронет совсем небольшой участок – не более 10 гектаров (1/20 часть Скрипинских Кучур) и такую же часть ее загадок.

Скрипинские Кучуры – особо охраняемая территория Ульяновской области, расположенная на юге Тереньгульского района. На месте лесного массива площадью в 204 гектара довольно хорошо сохранились участки древней поверхности Приволжской возвышенности с характерным для нее растительным покровом. Здесь в изобилии выходят на поверхность монолитные глыбы кварцевого сливного песчаника времен палеогена. Под воздействием ветра, воды, солнца, снега и холода за миллионы лет каменные глыбы приобрели причудливые формы. Характерной особенностью урочища является неповторимый по красоте ландшафт со своеобразной флорой и фауной. Интересное геологическое строение и оригинальный рельеф придают этим местам особый колорит.

Итак, мы находимся на поляне перед большой горой, усеянной огромными валунами. Присмотревшись, понимаем, что за всю дорогу здесь единственная ровная площадка, вполне пригодная для сбора людей. Предположим, что в давние времена на этом месте проводились некие ритуалы. Возможно, сохранились какие-то артефакты. И, если присмотреться внимательнее, они есть. Первое, что обращает на себя внимание, у края горы расположился огромный, практически круглый камень-диск, стоящий практически перпендикулярно к поверхности земли. Этот камень просто обязан был привлечь к себе внимание, а учитывая, что многие древние народы являлись солнцепоклонниками и устраивали около подобных камней святилища, то и на-

звание камушку просится само собой – «солнце». Попутно заметим, что этот артефакт не очень похож на естественное образование. Кроме этого, посередине солнечного камня проходит через его поверхность длинная, ровная вертикальная полоса. И это, на мой взгляд, не случайно. Думаю, что ранее жрецы ориентировались по ней, рассчитывая дни равноденствия. Появляются какие-то наметки на древнюю обсерваторию, и рядом мы находим также стоящий на ребре еще один камень-диск, но малого диаметра – уж не луна ли это? В подтверждение этой версии мы видим, что с левой и правой стороны камня имеются серпообразные прорезы. Такое ощущение, что здесь отслеживали и лунный календарь по фазам ночного светила. Впрочем, для полной обсерватории не хватает только карты звездного неба. И она здесь есть, и тоже

Шаман-камень

каменная! За изгибом горы, метров в 20 от дневного и ночного светил, на ребре стоит огромная каменная стена, испещренная большим количеством круглых отверстий разного диаметра и глубины. Многие из этих «дырочек» связаны тонкой паутиной прорезей, образуя неведомые ныне сочетания. Если отвлечься от паутинок и посмотреть на отверстия чуть отдаленнее, то неожиданно, со всей очевидностью, всплывают до боли знакомые созвездия: от Большой Медведицы до Сириуса. Смущает невообразимая плотность звезд на «карте». Впрочем, нам неизвестен принцип их нанесения и отслеживания. Не понимая логики, невозможно разобраться в карте. Чего, кстати, очень бы хотелось, ведь она вполне могла бы ответить на вопрос о времени ее «написания». У основания «звездного неба» лежит странный круглый каменный «стол» со следами обработки зубилом или резцами. Ощущение, что на нем располагался какой-то древний инструмент, позволяющий что-то определять по звездам, например, пора ли собирать урожай, а, быть может, и время проведения магических ритуалов.

Итак, беглый взгляд на подножие горы дает основание предположить, что некогда здесь был мегалитический астрологический комплекс. И это

далеко не все. Ключом дальнейшей разгадки места является еще один камень, спрятавшийся в кустах справа от «солнца». Стоит к нему подойти, становится видно пострадавшее от времени человеческое лицо, чем-то напоминающее знаменитые фигуры острова Пасхи. Более того, основание «шеи»

Горилла

выходит из массивного круглого поста-мента. Лицо смотрит в небо, но стоит мысленно его установить и становится очевидным, что смотрело-то оно на нашу гору. Присмотримся и мы.

Почти на середине горы выделяется странная гряда из огромных камней, которые как будто повисли над поляной. И только забравшись на них, становится ясно их предназначение. Верхняя поверхность камней практически плоская и удобная для того, чтобы стоять. Интересным показался камень, который я назвал «шаман-камень». Его расположение настолько правильно, что человеку, стоящему на нем, видно поляну, и «солнце», и «луну», и «звездное небо», и «каменного идола». Соответственно и наоборот, «шаман-камень» просматривается со всех сторон и, очевидно, представляет центральную смотровую и ритуальную площадку. Камень имеет форму «трилистника», то есть три человека могли бы одновременно смотреть и вещать с него в разные стороны. Кстати, проводя неоднократно экскурсии, я заметил такой факт: люди, совершенно не сговариваясь, несмотря на сложность подъема, любят забраться именно сюда, чтобы отдохнуть, и отмечают, что это хороший камушек. Быть может, древняя энергия жрецов жива в камне до

Стена у вершины городища

сих пор? Этому у меня есть странное подтверждение. Когда я с товарищем ночевал в этих местах в 2015 году, для ночных съемок мы выставили у «шаман-камня» несколько свечек. На фото получились стоячие световые волны, которые не проявлялись у меня больше ни в одном месте.

Но эта совсем не единственная площадка на склоне. Рядом есть три плотно сбитых каменных пьедестала, но меньшего размера. Причем со стороны горы они похожи на «гориллу», «рыбу» и «раклушку». Такое ощущение, что эти площадки предназначались либо для кудесников младшего уровня, либо для работы с отдельными стихиями.

Таким образом, помимо «астро-логической обсерватории», у нас есть объект проведения культа. Логично поискать рядом места проживания служителей культа. Что-то подсказывает – стоит подняться на саму гору. Вершина не разочаровывает: она неожиданно оказывается практически плоской. Как будто ее специально выровняли. Но более всего впечатляет то, что во многих местах подходы к вершине перекрыты массивными плитами, на которые практически невозможно вскарабкаться со стороны подъема. Получается укрепленное городище, которое может охранять небольшой воинский гарнизон. Кстати, именно так и укреплялись в древности городища. Ну а уж если это городище, то тогда должны же быть и дома. И они

есть. Точнее, то, что от них осталось, спустя столетия или тысячелетия.

В самом центре вершины горы есть три обширные «комнаты», сложенные из массивных блоков. Все они имеют входы с разных сторон и разную сохранность. Одна из «комнат» разрушена сильно, вторая поменьше, а вот третья сохранилась достаточно хорошо. Здесь не только видно, что блоки уложены в один уровень, но и сохранились полная прямоугольная конфигурация дома и даже следы подгонки блоков в стене. Хотя сейчас накрывай эту «комнату» стволами и валежником да и живи. Правда, немного смущают габариты жилища: либо люди здесь жили большого роста, либо это был храмовый комплекс. Кстати, около одной из «комнат» лежат необычные камушки: один в виде полусферы (он довольно сильно истерт), другой представляет круглый «жертвенный стол». И тот и другой имеют явные следы механической обработки. Об их предназначении судить сложно. Возможно, и правда это жертвенники, а может быть, и камни-жернова. Только предназначались они явно для этого «городища», поскольку спустить их вниз и не расколоть по дороге очень проблематично, тем более материала хватало по всей округе и более доступного.

Еще одной особенностью «городища» является наличие по окраинам нескольких «дольменов» – каменных домиков с небольшим пространством внутри. В мире много дольменов, но наши можно отнести к самым примитивным, как, впрочем, и самым древ-

ним. Предназначения этих сооружений не знает никто, но судя по огромному их количеству, можно предположить, что это было некое средство связи, хотя, быть может, и средство связи с миром духов.

Вот так, вместо нагромождения камней у нас получился целый мегалитический комплекс неведомой ныне древней культуры. На этом месте стоило бы посмеяться над моей больной фантазией. Но не все так просто. В соседней Самарской области, в районе Смолькино, есть подобное нагромождение камней. Там сохранились «родовые» камни местных древних народов, каменные лабиринты, легенды про людей-филинов и колдунов. И там нет ни у кого сомнения в культовом использовании камней. Впрочем, и в самих Скрипинских Кучурах есть и каменный идол, и жертвенный стол, исписанный рунами. В соседнем селе Михайловка есть захоронение колдунов-великанов, ритуально убитых в средние века. А сколько здесь происходит аномального и мистического?.. Впрочем, я не собирался ничего доказывать, это задача археологов, если их заинтересует место. Этим статьей я призываю людей вдумчиво смотреть на обычные вещи, чтобы в их жизни случались интересные открытия и таинственные события. Ведь, как известно, жить без приключений очень скучно.

Дмитрий Илюшин,

Бюро путешествий Дмитрия Илюшина
https://vk.com/travel_agencydi

Лежащий идол

«Посетитель входит в роскошный парк...»

Из истории Акшутского дендропарка

В 1848 году рукой Николая Поливанова были высажены первые деревья. Его сын превратил прилегающую к барскому дому территорию в «образец садово-парковой культуры». Сегодня парк интересен в лесотехническом отношении и может служить памятником лесоразведению и интродукции деревьев и кустарников в Симбирской губернии. Постановлением Ульяновского облисполкома № 102 от 10 февраля 1976 года Акшутский дендропарк на площади 63 га отнесен к региональным памятникам природы и подлечит государственной охране.

Каким парк был во времена Поливановых, сегодня мы можем узнать из статьи симбирского краеведа П.А. Александрова, опубликованной в «Историческом вестнике» 1908 года: «Посетитель входит в роскошный парк, заботливо возделанный на пространстве 70 десятин. При экономии существует обширный питомник хвойных, декоративных и плодовых деревьев, а потому парк изобилует всевозможными растениями, какие только способны переносить данные климатические условия. По аллеям, причудливо извивающимся под нависшими лапами елей и кедров, по мосткам, живописно переброшенным через речки и пруды, посетитель выходит на середину парка, где на веселой зеленой поляне открывается перед ним здание музея, белеющее из зеленой чащи своим фасадом с колоннами, отражаясь в зеркальной поверх-

ности пруда». В журнале «Столица и усадьбы» за 1914 год о парке писали: «Под горой большой тенистый сад, где находятся оранжерея и плодовый яблочный питомник». О парке вспоминали старожилы села: «В парке Поливанова была оранжерея. В ней даже зимой цвели цветы, были рыбки в аквариумах, росли персики, лавровый лист, огурцы. Огурцы даже отправляли в Первую мировую на фронт».

В 80-х годах XIX столетия Владимир Поливанов занялся лесоразведением и заложил в так называемой «Колке» (территория верхнего парка) питомник, где разводил породы, завезенные из разных стран. Поводом для начала лесоразведения послужило передувание легких почв с оголенных площадей после вырубки леса на доброкачественные пахотные земли. Предпринятые в то время дорогостоящие меры по борьбе с передуванием песков себя не оправдывали, и более

эффективным и дешевым способом оказалось облесение пустырей сосной обыкновенной. Опыт Поливанов обобщил в книге «Двадцатипятилетние Акшутского лесоразведения в Симбирской губернии (1883–1908 гг.)».

В настоящее время в парке-дендрарии произрастает более 70 видов древесно-кустарниковых пород, в том числе экзоты из различных климатических зон Западной Европы, Северной Америки, Сибири, восточных и южных стран.

Здесь насчитывается 19 хвойных пород из двух семейств: сосна обыкновенная, горная, длиннохвойная и Веймутова, кедр сибирский, ель обыкновенная (европейская), канадская (белая или сизая), колючая (голубая), сибирская и Энгельмана, пихта европейская и сибирская, лиственница европейская, сибирская, даурская и Сукачева, лжетсуга, туя западная и складчатая. Из всех хвойных в парке наиболее часто встречается сосна обыкновенная, как писал Поливанов: «Дерево наиболее ценное и выносливое». подрост сегодня отмечен у всех хвойных пород, за исключением кедра, сосны горной и ели канадской. Многочисленный подрост туи, можжевельника обыкновенного и пихты можно использовать как посадочный материал.

Древесно-кустарниковые покрытосеменные представлены 53 видами из 16 семейств. Более 20% из них приходится на интродуценты: клен амери-

В еловой аллее.
Фото А. Коблова. 1950-е

Пионеры в аллее сибирского кедра. Фото А. Коблова. 1950-е

канский, тополь бальзамический и сероватый, ясень американский, магония падуболистная, ирга многоцветковая, пузыреплодник калинолистный, можжевельник обыкновенный и казацкий, сирень обыкновенная, жасмин садовый, яблоня ягодная, несколько видов спиреи.

Всего из видов, указанных в каталогах лесного питомника В.Н. Поливанова за 1893 и 1898 годы, в парке не найдены 15, в их числе три вида винограда, ольха перистолистная, сосна карликовая (ее Поливанов особенно рекомендовал как выносливую и неприхотливую на почву породу для создания живой изгороди вдоль проезжих дорог), туя восточная и канадская, можжевельник казацкий.

Акшутский дендропарк условно делится ручьем Санаторкой на две части: верхний парк (47 га) и нижний парк (16 га). В верхнем парке продолжает работу спортивный лагерь «Сокол», который был построен еще до Великой Отечественной войны для детей работников текстильных фабрик района.

В нижнем парке с 1928 года размещался пионерский лагерь, которому позже было присвоено имя Героя Советского Союза Евгения Молчанова. Ежегодно в нем отдыхали до 300 детей. Коллектив лагеря состоял из педагогов района и студентов Ульяновского педагогического института, поэтому большая часть детей и педагогов Барышского района с теплотой вспоминают свое пионерское лето в акшутском лагере. В начале 1990-х лагерь закрыли. Несколько лет дачи простояли пустующими, а затем и вовсе были разобраны.

Сейчас о пионерском лагере упоминают только лиственницы, кото-

В.А. Феокистов с пионерами лагеря.
Фото В. Феокистова. 1968

рые в середине 1950-х годов посадил житель Акшуты Василий Андреевич Феокистов (1892 г. р.) вместе с внуком Вячеславом. Василий Андреевич, жизнь которого тесно связана с семьей Поливановых, на пенсии работал сторожем в лагере. Помня о том, каким парк был во времена Поливановых, он многое сделал для его сохранения: высаживал деревья, кустарники и цветы на территории лагеря, проводил детям экскурсии, прививал им любовь к окружающей природе. Руками Василия Андреевича посажены ели, которые обрамляют «нижний» лагерь с южной стороны.

Жительница Акшуты Н.Н. Христофорова делится воспоминаниями Василия Феокистова: «Мой отец при барине работал у него в лесном питомнике, в Колке. В ту пору высадили там большую посадку лиственниц, и эти лиственницы надо было каждый день поливать. Я отцу и помогал. Воду носил я из родника, который был здесь же, в Колке. Жалко было мне порты пачкать, одни они у меня были, я их и снял. Вдруг услышал топот копыт лошадиных – это барыня молодая с же-

Губернатор Ульяновской области С.И. Морозов на экологической тропе в парке

нихами с прогулки верховой возвращалась. Порты я, конечно, одеть не успел. Стою, а барыня взглянула на меня, усмехнулась и проскакала мимо. А к вечеру барин к себе меня вызывает. Ну, думаю, выпорют, расстроился. Думаю, как же это я в таком срамном виде перед барыней предстал? Перекрестился и пошел. Стою в прихожей, робею, глаза поднять не смею. Выходит барин. Подошел ко мне и протянул отрез отменного французского сукна. Я отошел немного от смущения и говорю: «Простите меня, что я в таком виде перед барыней оказался, стыдно мне за это, простите». А барин мне в ответ:

«Это мне должно быть стыдно, что мои крестьяне так обнищали, что не имеют и порток...». Много лет я те порты носил, износа им не было».

Летом 2013 года на средства федерального гранта Русского географического общества в Акшутском дендропарке открылась Эколого-краеведческая тропа «В гостях у Поливанова». Это первая оборудованная и информационно насыщенная тропа на территории Ульяновской области. В маршрут включены исторические и природные объекты парка: парадные ворота (сделаны по фотографии 1914 года), места, где располагались дом

Поливановых, пруд с беседкой, музей, оранжерея (сохранился фундамент), еловые, кедровые, лиственничные, березовые и липовые аллеи, родник Белый, ручей Санаторка, объекты животного и растительного мира. На полянах оборудованы места отдыха.

Дендропарк и Эколого-краеведческая тропа «В гостях у Поливанова» входят в туристический маршрут «Акшут. В гостях у Поливанова». Начинается туристический маршрут еще с одного памятника природы, расположенного на въезде в село, – с аллеи сосны реликтовой. Затем на маршруте – Акшутский краеведческий музей им. В.Н. Поливанова с выставочным залом «Акшутская лоза» и мастерской лозоплетения. Далее – гора с останками винокуренного завода Поливановых, с родником и прудом. Следующие объекты маршрута – церковь Тихвинской иконы Божьей Матери с иконами из церкви Поливановых и историко-архитектурные памятники, связанные с деятельностью Поливанова в Акшуте: здание школы, построенное по проекту Августа Шодэ, дом мастера лозоплетения Е. Репки и бывшее училище лозоплетения. Завершается маршрут посещением парка – уникального и требующего нашего внимания и заботы памятника природы.

Вера Фомина,
заведующая Акшутским
историко-этнографическим музеем
им. В.Н. Поливанова

Ундоры: сила древнего моря в источниках здоровья

Десять лекарств – так, по одной из версий с тюркского, переводится слово «Ундоры»: «ун» – десять, «дару» – целебное средство. Не случайно здесь, на Приволжской возвышенности на берегу Куйбышевского водохранилища расположен курорт. С севера он защищен возвышенностью, поросшей лесом, с юга и запада степными просторами, а по восточному краю – массивом леса. Микроклиматические условия этой местности обладают лечебно-оздоровительными свойствами.

География

Ундоры – земля не просто древняя, а доисторическая. В мезозойскую эру здесь плескалось, как и на всей Восточно-Европейской равнине, теплое мелководное Юрское море. Это время динозавров, беспозвоночных и прочих бесчисленных обитателей древнего моря. Со временем его площадь и глубина менялись, образовывались осадочные породы – горючие сланцы. До сих пор в окрестностях Ундоров находят останки ящеров и ранее

неизвестных науке видов. За миллионы лет менялся и рельеф. Территория поднялась и стала суше. Вымирая, морская флора и фауна опускалась на дно. Сегодня подземная вода, проходя через пласты осадочных пород, насыщается органическими веществами, которые делают ее лечебной. Минеральная вода поступает из самоизливающихся источников, которые находятся в экологически чистой местности на территории особо охраняемой природной зоны.

История

Исследователи предполагают, что село Ундоры было основано в 70-80-е годы XVII века. В 1679 году упоминается село Новое Воскресенское, «что на Ундоровских горах», а в грамоте 1689 года – «село Воскресенское, Ундоры тож». С 70-х годов XVIII века село известно как родовое имение симбирского воеводы Б.И. Толстого и его потомков. С 1726 года селом владел симбирский губернатор Александр Васильевич Толстой, который построил каменную церковь (1802), а также усадьбы с оранжереями и садами. После его смерти имение перешло к дочери В.А. Ивашевой – жене генерала Петра Никифоровича Ивашева (1767–1838). Последний с помощью ученых Казанского университета исследовал целебные свойства местных минеральных источников. Ундоры в XIX веке стали одним из крупных очагов культуры края, здесь бывали Д.В. Давыдов, Юрловы, Тургеневы, Бестужевы, Завалишины, Тютчевы. Долгое время здесь жил Петр Михайлович Языков – русский геолог, старший брат поэта и романиста. Александр Лабзин – вице-президент Академии художеств, тоже посещали родовое поместье Ивашевых. Сохранились его записи об ундоровской воде: «Симбирские врачи советовали нам

брать только ванны, внутреннего употребления советовали остерегаться и разрешали мне пить только по одному стакану [...]. Вскоре я на себе заметил, что вода сия имеет силу и возбуждает жажду и аппетит, из чего заключил, что даже пить ее еще полезнее, нежели в ней купаться [...]. Мы пили сию воду – жена по 4 стакана, а я по 6, и приметно стали укрепляться в силах. Мы смогли ходить с женой пешком по часу, я мог взбираться на лестницу из 30 ступеней, не задыхаясь».

20 мая 1868 года Ундоры посетил великий князь Алексей Александрович, путешествовавший по Волге. В Госархиве есть сведения, что он «изволил кушать воду из сделанного наскоро из древесной коры ковшичка и приказал взять бутылки с водой на пароход».

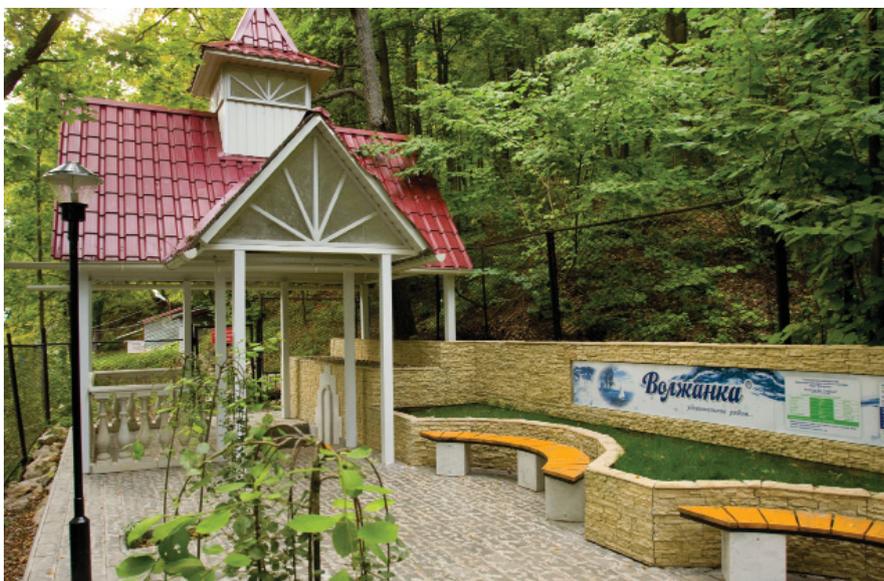
Дворянское радение

История изучения свойств ундоровских минеральных вод началась в 1820 году, когда генерал-майор Петр Никифорович Ивашев вышел в отставку. В Малиновом овраге у источника № 1 он создал «домашний курорт», по сути, первую лечебницу с использованием ундоровской воды и даже с клиническими наблюдениями-заключениями – насколько позволяла наука тех лет. Вскоре о «домашнем курорте» Ивашевых стало известно далеко за пределами губернии.

Заслуги П.Н. Ивашева высоки. Он открыл в Ундорах больницу, школу для крестьянских детей, построил сахарный, стекольный, винокурный заводы, суконную и полотняную фабрики.

В 60-х годах XX века исследования воды проводились в Ундоровской участковой больнице. Там же было открыто отделение реабилитации пациентов гастроэнтерологического и урологического профилей. Проводился сравнительный анализ исходных и заключительных лабораторных данных под руководством заслуженных врачей РСФСР Евгения Михайловича Чучкалова (1919–2006) и Анны Михайловны Осьмаго (1901–1975). Ундоровская минеральная вода источника № 1 «Главный» изучалась учеными-бальнеологами Центрального научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии города Москвы и была признана лечебной и редчайшей по параметрам.

Вскоре по соседству с источником № 1 появилось первое, во многом

кустарное на тот момент производство по розливу местной минеральной воды. Руководителем этого производства был опытный хозяйственник Александр Михайлович Горшков. Бутилированную, то есть разлитую в бутылки, ундоровскую минеральную воду называли «Волжанкой».

Источники здоровья

Минеральная вода «Волжанка» – гордость и слава Ульяновской земли. Целебные свойства ундоровской минеральной воды «Волжанка» доказаны федеральными научными центрами: Медицинским центром Управления делами Президента РФ, кафедрой урологии ММА им. Сеченова г. Москвы, Казанским государственным медицинским институтом. Качество минеральной воды «Волжанка» регулярно получает высокую оценку на выставках как в России, так и за рубежом. Подтверждение тому – более 100 медалей, 400 дипломов и грамот регионального, федерального и международного значения.

В минеральной воде «Волжанка» природой сбалансирован богатый комплекс микроэлементов: медь, цинк, железо, литий, марганец, фтор, серебро, высокое содержание органических веществ, что обусловлено естественными условиями ее происхождения.

В процессе формирования вода ундоровского месторождения постепенно скапливается и проходит через подземные слои пород горючих сланцев, глауконитов, фосфоритов сланца, так называемой «погребенной морской долины» между Волгой и Свиягой. В процессе постепенного восхождения из подземных недр на поверхность вода обогащается комплексом орга-

нических соединений, придающих ей целебные свойства.

Все эти соединения в определенной последовательности сначала фильтруют и очищают воду, а затем насыщают ее различными минералами и органическими соединениями, полезными для организма человека.

Взгляд в будущее

Сегодня в Ундорах проживают более трех тысяч человек. На территории Ундоровского поселения действуют два санатория, социально-реабилитационный центр, кемпинг, горнолыжный комплекс.

В 2018 году палеонтологический заказник «Ундория» в Ульяновской области получит статус геопарка. «Создание регионального геопарка является первым и одним из главных этапов по подготовке заявки от региона и Российской Федерации для включения территории Ундоровского палеонтологического заказника и прилегающих Ундоровских гор в сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО. Данная процедура позволит в дальнейшем не только сохранять геологические пласты и содержащиеся в них остатки уникальной палеофауны, но и акцентировать внимание на важности экологического образования, – подчеркнул губернатор Ульяновской области Сергей Морозов. – Здесь также будет создан современный музей, где эксперты смогут вести научно-исследовательскую работу. Объект будет включать раннемеловой, юрский и поздне меловой залы, симбирскую комнату».

Александра Савельева,
краевед и литератор.
Иван Рыбкин,
журналист, литератор

«Мы роемся в юрских пластах...»

Из истории летнего отдыха школьников СССР

Школы, детские клубы, экскурсионные бюро, комсомольские организации занимались вопросами правильного отдыха советских ребят и не давали последним скучать в время каникул и праздников. Уже в марте-апреле школы начинали подготовку к походам, которые территориально не ограничивались Ульяновской областью. Главное, чтобы юные туристы в время отдыха изучали историю и природу тех мест, куда отправлялись. Опираясь на документы Государственного архива новейшей истории, расскажем о школьных экспедициях по Ульяновской области.

В одном из документов – справке об участии пионеров и школьников Ульяновской области в изучении родного края – указано, что 11 февраля 1947 года вышло Постановление ЦК ВЛКСМ «О проведении походов пионеров по родному краю». Школьный отдел обкома ВЛКСМ разработал мероприятия по подготовке и проведению походов летом. В апреле провели работу со старшими вожатыми и руководителями отрядов путешественников, которые должны были подготовить школьников к предстоящим походам – разработать маршруты и встречи с краеведами.

К примеру, в школах Павловского района ребята изучали названия населенных пунктов, рек, геологическое

строение почвы, полезные ископаемые, флору и фауну. А пионеры дружины № 3 Елаурской семилетней школы Сенгилеевского района приступили к сбору фольклора – записывали народные песни, сказки, пословицы и былины на чувашском языке. Ребята из Шиловской семилетней школы составляли план походов по изучению берегов реки Волги и по местонахождению меловых залежей.

Сохранилось описание экспедиции краеведов областной юннатской станции в село Ундоры за 1947 год:

«Нас было 26 человек. Наш коллектив состоял из учеников первой и второй мужских средних школ, первой и третьей неполных женских средних школ и учениц первой женской школ. Всех нас объединяло одно общее жела-

ние – совершить туристический поход в Ундоры, собрать геологический, зоологический и ботанический материал и испытать прелести походной жизни. Погрузились на машину, едем на пристань. После некоторого ожидания мы погружаемся на пароход «Джон-Рид».

Переход от Ундоровской пристани до деревни Городищи напоминал караван. Все шли гуськом, навьюченные кроме общего багажа своим собственным. Тут впервые вкусили мы прелести нашего ундоровского «гнуса», то есть мошки и комаров. Мы перелезли через многочисленные «ерики» по переброшенным над бурлящими потоками воды деревьям, и наши переходы напоминали суворовские переходы через Чертов Мост».

Юные туристы разместились в местной школе. Вечером наметили маршруты, распорядок дня, назначили дежурства и распределили обязанности. На следующий день ребята отправились на геологическую разведку, обследовали пласты верхне- и нижне-волжских ярусов юрской системы, собрали образцы пород и останки фауны, населявшей Юрское море.

В перерывах между работой юные исследователи края купались и ловили рыбу.

Собрав материал по зоологии и ботанике, ребята отправились в Ундоровский овраг, с целью найти останки животного мира ледникового периода. Как писали школьники, «поиски костей не увенчались успехом, зато источники тщательно исследованы». Из походного отчета: «В тенистом лесу идет узкая тропа. Вот путешествен-

ник уже слышит шум воды и выходит на крохотную полянку. Из трещины между горючими сланцами с силой вырывается мощная струя по крутому склону. Ложе источника выстлано ярко-оранжевым налетом водной окиси железа. Если опустить в воду на некоторое время ветку или какой-нибудь другой предмет, то он быстро покроется налетом. Холодная вода приятна на вкус, но если она немного простоят и нагреется, то начинает выделять сероводород, а на дне посуды появляются зеленоватые хлопья сернистых солей. Около источников мы набираем образчики ярко-желтых, коричневых и красных охр, известкового туфа».

В отчете краеведы писали и о горючих сланцах, залегающих в нижне-волжском ярусе ундоровских отложений: «Это богатство нашей области. На них можно построить целую химическую промышленность (из сланца добывают кислоты, удобрения, краски, медикаменты, нефть, асфальт и другие материалы). И наконец, как топливо сланец можно сжигать на месте и превращать в электроэнергию. Это значительная база для нашей будущей химической промышленности. Мы роемся в юрских пластах, находим массу отпечатков, ядер, раковин, костей. Невольно задумываешься, глядя на это огромное кладбище, над причинами такого массового вымирания. В юрский период здесь было море, и оно было населено главным образом моллюсками, рыбами, а самыми высшими животными на земле были пресмыкающиеся. Эти животные достигали иногда огромных размеров до 30 метров в длину и были повсюду: в воде, на суше, в воздухе».

Последнее, что путешественники исследовали, было место обитания растения кендырь (пряильное растение, его волокно не подвергается гниению в воде и является сырьем для изготовления канатов и сетей).

После походов проходили туристические слеты. К примеру, в июне 1953 года в селе Тургенево Чердаклинского района в слете, по разным данным, приняли участие от 400 до 600 человек. Для некоторых поход к месту проведения занял до трех суток. За лучшую подготовку и проведение похода школьников награждали снаряжениями туриста, волейбольными мячами с сетками, горнами, настольными играми.

Походы были важной частью летнего отдыха. Участие в них, как отмечалось в документах, помогало школьникам не только отдохнуть, но и расширить кругозор, закрепить знания, полученные в школе по географии, естествознанию, развивались ловкость, выносливость и укреплялось физическое здоровье.

Юлия Николаева,
ведущий архивист
Государственного архива
новейшей истории
Ульяновской области.
Подготовлено по материалам
Государственного архива
новейшей истории
Ульяновской области

В первой четверти XX века изучением фольклора нашего региона занимался ученый литературовед, доцент Ульяновского педагогического института, краевед Петр Сергеевич Бейсов. Среди документов его личного фонда, хранящегося в Госархиве Ульяновской области, особый интерес вызывают народные сказки. «Мономах» представляет вниманию читателей одну из сказок фольклорного собрания Петра Бейсова «Акулина – голова куриная» в новом для журнала жанре комикса.

Акулина – голова куриная

Была заботлива Акулина. Пошла она в поле жать. Нажала четыре четьрки, пьту – растопырку и легла спать.

А дома муж ее думает.

Жена в поле жнёт, наверное, дожинает маленький загон. Поеду посмотрю.

Рисовала Анастасия Доброголина

Приезжает к жене на загон, а жена спит. У неё и загон-то не початый. Муж рассердился.

Обрезал у нее косы, намазал ей голову смолой и уехал. Очнулась Акулина, хватъ за голову.

Батюшки! Что же такое? Сама я Акулина, а голова-то куриная.

Пойду-ка домой, суну голову в подворотню, если на меня собака залает, то я не своя, а если не залает, то своя.

Гав!
Гав!
Гав!

Ну, я не своя.

Пришла домой, сунула голову в подворотню, а собака-то на неё как залает. И пошла она куда глаза глядят.

Идет дорогой, аккурат в это время вору едут. Ну, Акулина и привязалась к ним.

Взяли они ее с собой. Подъезжают к деревне.

Увидели вору погреб. Посадили в него Акулину и спрашивают.

Подходит хозяйка. Слышит, в погребе кто-то приговаривает. Думает, что черт в погребе сидит. Испугалась. Стала молитву читать, а черт не уходит.

Алексей Васильевич Ястребов. 1967

На Волгу ходили мало. Главным образом, рыбаков и охотников привлекал к себе Попов остров. Там было немало больших озер, славившихся рыбой. Летом мы любили ходить туда. В жаркие дни песок на острове накаливался до такой степени, что босыми ногами на него нельзя было ступить. Куриные яйца, которые мы брали с собой на обед, мы варили прямо в песке. Зароешь яйцо в песок – через несколько минут оно уже сварилось как тебе надо.

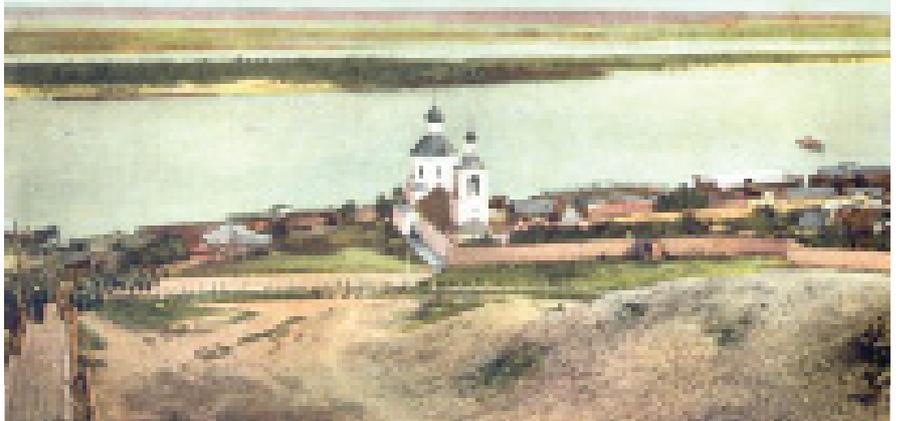
На Поповом острове было много деревьев, так что и в самый жаркий день там всегда можно отдохнуть в тени. Правда, летом давали о себе знать комары да мошки. Но с ними мы успешно боролись: разжигали костры, на лицо надевали сетки, смазанные гвоздичным маслом, и это отгоняло комаров. Рыбаки любили ловить рыбу на острове. [...]

До революции сообщение с Заволжьем было регулярное. Его поддерживал паровой паром «Симбирск», который отправлялся из Симбирска каждые два часа. Паром был очень обширный, так что он перевозил не только людей, но и телеги, запряженные лошадьми. Хотя против симбирских пристаней были очень хорошие острова с великолепным песчаным пляжем и с хорошим лесом, однако до революции жители города Симбирска не пользовались этими островами. Не было тогда в обычае закаливаться на летнем солнце, как это делают теперь все от мала до велика. Кроме того, с островами не было сообщения: ведь лодочные станции были не на Волге, а на Свияге.

Старая Волга

Из воспоминаний педагога и краеведа Алексея Васильевича Ястребова

В летнее время около Симбирска останавливалось много плотов. Ребята любили удить рыбу и купаться с них: никаких вышек тогда не было ни на Волге, ни на Свияге.

Вот поэтому-то Бесстыжий остров жители нашего города стали посещать уже после революции, в двадцатые и особенно тридцатые годы текущего столетия, когда он сделался любимым пляжем ульяновцев.

Летом в Симбирск, обычно в середине навигации, с верховьев Волги приходили баржи со всевозможными деревянными изделиями кустарного типа. Почему-то эти баржи все называли лодками, хотя они на лодки абсолютно непохожи. Эти баржи довольно долго стояли у симбирских пристаней. В эти дни происходило паломничество жителей Симбирска на Волгу, где нарасхват раскупались изделия верхневолжских мастеров по дереву – кустарей.

Надо сказать, что помимо предметов домашней мебели: стульев, столов, скамеек и т.п., на этих баржах привозились также художественные деревянные изделия: красиво выточенные и изящно раскрашенные сувениры, шкатулки, жбаны, кубки и т.п. Они были очень красивы и стоили недорого, поэтому жители Симбирска всегда их брали очень охотно. Наша семья каждое лето посещала эти лодки

и обязательно там приобретала какие-нибудь сувениры.

Интересно выглядели волжские пароходы в Троицын день – религиозный праздник.

В этот день было принято украшать здания, в том числе и церкви, молодой зеленью и цветами. И вот в этот праздничный день пассажирские (да, пожалуй, и буксирные) пароходы были похожими на плавучие зеленые сады. Особенно эффектно выглядели те пароходы, которые были украшены молоденькими белоствольными березками. Зелень и цветы в этот день были повсюду – не только в салонах и каютах I и II классов, но даже в помещениях палубных пассажиров. И повсюду в этот день чувствовалось праздничное настроение.

При наличии большого количества мелей на реке Волге до революции судоводительство было делом далеко не легким. В те годы пароходы водили лоцманы, с которыми считались даже капитаны. Нередко они знали фарватер Волги даже лучше, чем капитан и его помощники, особенно, если они были молодые или малоопытные. [...]

Куда пойти

Дорогие читатели, надеемся, вам понравилось путешествовать по Симбирскому-Ульяновскому краю вместе с летним выпуском журнала. А чтобы больше узнать об интересных местах области и провести время с пользой, «Мономах» рекомендует посетить:

Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова

(г. Ульяновск, бул. Новый Венец, д. 3/4)

Один из старейших музеев Поволжья. История музея начинается с 1895 года, когда был создан историко-археологический музей Симбирской ученой архивной комиссии. Основу коллекции заложили частные пожертвования, крупными из которых были археологическая коллекция В.Н. Поливанова и нумизматическая А.В. Толстого. С 1918 года музей располагается в Доме-музее – памятнике И.А. Гончарову (проект А.А. Шодэ). В 1970–1990-е годы были открыты филиалы краеведческого музея: в 1974-м – музей «Конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП (1904–1906 гг.)», в 1982-м – музей И.А. Гончарова, в 1999-м – литературный музей «Дом Языковых». В 2003 году в р.п. Языково открыт комплекс «Усадьба Языковых». В музее хранится около 142 тысяч единиц хранения: археологическая и палеонтологическая коллекции; коллекции тканей и народного костюма конца XVIII – середины XX веков; нумизматики, фотографий, оружия; документов, предметов материальной культуры XIX – XX вв.; коллекции рукописей, книг, рисунков известных симбирян.

Музей работает с 10.00 до 18.00. Выходной – понедельник.
Тел.: 8 (8422) 44-30-53, 44-30-64.

Отдел краеведческой литературы и библиографии Дворца книги

(г. Ульяновск, пер. Карамзина, д. 3/2)

Краеведческий отдел размещается в здании Дворянского собрания, построенного в 1839–1847 годах по проекту архитектора И. Бенземана (перестраивалось в 1865–1867 годах по проекту М. Крутинского). Фонд краеведческого отдела составляют дореволюционные, советские и современные книги, комплекты газет (губернские, областные, районные, многотиражные) и журналов прошлых веков и современных, всего более 41 тысячи единиц хранения, рассказывающих об истории Симбирской губернии – Ульяновской области. Издания комплектовались со времен образования библиотеки (1848). Отсутствующие в фонде комплекты дореволюционных периодических изданий хранятся в отделе в виде микрофильмов.

Библиотека работает с 9.00 до 19.00 (вторник – пятница), с 10.00 до 18.00 (суббота – воскресенье). Выходной – понедельник.
Тел. 8 (8422) 44-30-84.

Музей-заповедник «Родина В.И. Ленина»

(г. Ульяновск, ул. Ленина, д. 98, администрация музея-заповедника, www.ulzapovednik.ru)

Градостроительно-ландшафтный комплекс площадью 174 га объединяет памятники истории, культуры, архитектуры старого Симбирска. Музей-заповедник основан в 1984 году. С 1988-го по 17 марта 2012 года музей-заповедник возглавлял А.Н. Зубов (1959–2012). С 25 июня 2012 года должность директора занимает И.Г. Котова. Задача заповедника – сохранить и воссоздать исторический облик провинциального Симбирска конца XIX – начала XX веков. Воссозданы фрагмент Симбирской засечной черты (сторожевая башня с частоколом) и участок Московской улицы с мощением и деревянными тротуарами.

Тел. 8 (8422) 32-63-62.

